

СЕРГЕЙ
АНТОНОВ

Дорогие
черты

СЕРГЕЙ
АНТОНОВ

ДОРОГИЕ
ЧЕРТЫ

РАССКАЗЫ
о
ЛЕНИНЕ

С Е Р Г Е Й А Н Т О Н О В

Дорогие
черты

РАССКАЗЫ
о
ЛЕНИНЕ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1960

В небольших, но ярких и запоминающихся рассказах, публикуемых в этом сборнике, автор создает глубоко человеческий образ гениального вождя Коммунистической партии и советского народа Владимира Ильича Ленина.

В рассказах Сергея Антонова запечатлены волнующие встречи В. И. Ленина с рабочими, крестьянами, красноармейцами, представителями трудовой интеллигенции в разные годы. Скромность вождя, его любовь к простым людям, его умение выслушивать и убеждать покоряли каждого, кто хоть раз встречался с ним.

В нескольких рассказах сборника показано, как образ великого Ленина вдохновлял советских воинов на подвиги в годы Великой Отечественной войны.

Автор книги Сергей Федорович Антонов начал печататься в 1943 году в военной газете «Раздавим фашистскую гадину!». В послевоенные годы им написаны сборники рассказов «Дни открытий» и «Дальний путешественник», две пьесы, ряд очерков о современной Корее и др.

РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ

Василий Иванович подошел к небольшому дому на одной из петербургских окраин, как бы между прочим взглянул на окна и, пройдя до конца квартала, вернулся.

Он не спеша достал папиросы, закурил и, посматривая по сторонам, постоял минут пять — семь.

«Кажется, хвоста нет...»

Еще раз осмотрелся и вошел в подъезд. Взбежав по лестнице, стукнул в старую, обшарпанную дверь два раза и через несколько мгновений еще раз.

Как всегда, дверь открыла хозяйка квартиры.

— Здесь? — поздоровавшись, спросил Василий Иванович, кивая в сторону одной из дверей.

— Здесь.

— Все спокойно?

— Кажется, да...

— Ночью было тихо?

— Ничего подозрительного.

Когда Василий Иванович вошел в небольшую комнату, Ленин сидел за столом у окна и писал.

— Здравствуйте, Владимир Ильич, — тихо поздоровался Василий Иванович.

— Здравствуйте, — не отрываясь от работы, лишь

поворнув голову в сторону вошедшего, сказал Ленин. — Прошу прощения, пожалуйста, садитесь и ждите.

Василий Иванович осторожно, на цыпочках подошел к стулу и, переставив его поближе к двери, сел, охватив большими ладонями колени.

«Опять пишет...»

Ленин писал твердо, решительно. Ручка быстро передвигалась по бумаге к краю листа, мгновенно перескакивала на другую сторону, ниже, и снова быстро бежала вперед, еле успевая за ходом мыслей хозяина. Казалось, что Ленин записывает что-то давно готовое, четко отложившееся в голове, или просто переписывает что-то начисто.

Василий Иванович сидел, боясь чем-либо отвлечь внимание Ленина, и думал. Думал он о Владимире Ильиче, об опасности, которая нависла над ним, — было объявлено о денежном вознаграждении за поимку Ленина. Июльское выступление подавлено... Буржуазия наступает по всем линиям... Вождь революции объявлен вне закона...

Василий Иванович не заметил сам, как тяжело вздохнул.

— О чём вы там вздыхаете, товарищ Васильев? — спросил Ленин, не отрываясь от работы.

— Да так, Владимир Ильич...

— Та-ак? — спросил Ленин, и по интонации видно было, что он не верит своему собеседнику. — Ну, допустим.

Вскоре он кончил писать, встал, распахнул пиджак, упер руки в бока и, подойдя к Василию Ивановичу, спросил, пристально глядя в глаза собеседнику:

— Ну-с, что же нового?

— Новое вот что, Владимир Ильич. Говорили с товарищами на флоте. Моряки крупных кораблей настроены весьма революционно.

— Это очень, очень важно! Продолжайте, пожалуйста, товарищ Васильев. Вы сказали — моряки крупных кораблей. А остальные?

— Есть сведения, что экипажи некоторых кораблей малонадежны.

Владимир Ильич поднял вверх палец, как бы говоря: заметьте себе это!

— Что еще нового?

— Да что, Владимир Ильич, все то же, — грустно сказал Василий Иванович.

Временное правительство распустило провокационный слух, будто бы Ленин является немецким шпионом. Черная клевета гуляла по городу. Василию Ивановичу не хотелось еще раз напоминать об этом.

— Та-ак! Боитесь испортить мне настроение, батенька? Обедать не стану? — догадываясь, о чем умалчивает Васильев, сказал Владимир Ильич и, помолчав, продолжал: — Ну, буржуазия жуёт сплетню с удовольствием: острая приправа к надоевшим блюдам. А рабочий класс? Допустим, путоловцы?

— Да нет, Владимир Ильич, кто из рабочих может поверить...

Василий Иванович явно стремился прекратить разговор на эту тему.

— Ведь опять меня жалеете! — воскликнул Ленин. — Жалеете!

— Владимир Ильич, ну явная же нелепица...

— Да, нелепица, — согласился Ленин, — но еще более опасная нелепица думать, что враг пустил в ход новое оружие только для того, чтобы позабавить тех, кому нечего делать. Чепуха! Вредная чепуха! — Он снова помолчал и спросил: — Значит, о рабочих не знаете?

— Нет, Владимир Ильич.

Ленин кашлянул два раза: он был явно недоволен. Произнеся нечто вроде «да-а», он помолчал и спросил уже другим тоном:

— А какие газеты рабочие сейчас читают больше всего? Не приметили? Поинтересуйтесь-ка, товарищ Васильев.

— Хорошо, Владимир Ильич.

— Надеюсь, товарищ Дзержинский вчера благополучно добрался до дома?

— Я провел его безопасными путями, Владимир Ильич.

— Безопасными? — Ленин тепло улыбнулся. — В городе, где нас ищут, у вас еще есть безопасные пути?

— Пока еще есть, Владимир Ильич.

— Богатый вы человек! — улыбаясь, сказал Ленин.

— Ну, более или менее, конечно, безопасные, — уточнил Василий Иванович.

— Более или менее, — повторил Ленин, думая уже о чем-то своем. — Ну, а что же все-таки насчет вооруженного восстания, товарищ Васильев? А? — спросил он, словно все зависело от Васильева.

Это был тот самый вопрос, который много раз Васильев мысленно задавал Ленину, на который ждал ответа, на который пытался ответить сам.

— Вооруженное восстание? Все горит под ногами. Необходимо восстание!

— Все горит? Все ли? — спросил Владимир Ильич.

И Василий Иванович подумал, что Ленин чувствует — чего-то еще не хватает, что-то еще не сделано самим Лениным, его товарищами по руководству борьбой, им, Василием Ивановичем, сотнями, тысячами других людей.

— Необходимо, согласен! — сказал Ленин решительно. — А когда? Сегодня, завтра, через год?

— Не знаю, Владимир Ильич.

— И я не знаю пока. Но не сегодня, и не завтра, и не через год, товарищ Васильев. И Свердлов пока не знает, и Дзержинский, и Бубнов. И выходит, товарищ Васильев, нам нужно самим определить — когда! Определить надо точно. Рисковать можно один раз, и рисковать необдуманно нам никто не позволит. Точные знания, товарищ Васильев, точные знания и еще раз точные знания! Анализ и знание всего: обстановки, врага, условий, настроений рабочих, крестьян, солдат, учет тысяч явлений — больших и малых! Вы согласны со мной, товарищ Васильев?

— Согласен, Владимир Ильич.

— Согласны? Так... Ну, а как же все-таки насчет действий врага? Вы не придаете им значения?

— Придаю, Владимир Ильич, но рабочие не поверят сплетне.

Ленин снова недовольно кашлянул.

— Вы где были за эти дни? — спросил он, подходя к вопросу с другого конца.

— На улицах, в магазинах, у Исаакия, в нескольких квартирах...

— На заводах были? На Путиловском, например?

— Нет, Владимир Ильич.

Ленин поднял брови, лукаво взглянул на Васильева: ну вот, а спрашиваете о восстании! Он еще раз кашлянул, помолчал и, заканчивая разговор, попросил:

— Будьте добры передать эту рукопись в редакцию. Сегодня же, сейчас же!

* * *

Выйдя из комнаты Ленина, простенькой комнатки с железной кроватью, столом на тонких ножках у окна, несколькими стульями, Василий Иванович быстро зашагал по переулкам к трамваю.

Он чувствовал, что Ленин недоволен. Уже несколько дней по решению Центрального Комитета партии Ленин скрывался в подполье. Связь его с центром поддерживал Василий Иванович. Эту работу поручила ему партия. Выполнять ее нелегко. Ленин был требователен, но в этой требовательности Василий Иванович всегда ощущал его справедливость: «По вашему решению я ушел в подполье, так извольте делать на свободе то, чего не могу я сам...»

Думая сейчас о разговоре с Владимиром Ильичем, Василий Иванович вспомнил, что всего неделю назад на одной из улиц, примыкающих к Путиловскому заводу, встретил он Петра Николаевича Скурихина, старого рабочего. Петр Николаевич шел ему наперерез, радуясь встрече, но момент был неудачен: у бакалейной лавочки Василий Иванович заметил подозрительную фигуру. Он ускорил шаг, свернул в сторону. Если Скурихин известен властям как человек, поддерживающий большевиков или, по крайней мере, сочувствующий им, встреча эта может помешать тому делу, которому Василий Иванович был целиком теперь отдан. Если власти подозревают в неблагонадежности его, Василия Ивановича, встреча совсем некстати для Скурихина. Но тот, очевидно не понимая этого, некоторое время шел следом за Василием Ивановичем, стремясь догнать его, и даже окликнул, но Василий Иванович сделал вид, что не видел и не слышал его.

Что за дело, что за разговор был у Скурихина к нему? Отвезя пакет в редакцию, он поехал на дом к Скурихину. Но тот работал в ночную смену.

На следующий день Василий Иванович снова приехал к Петру Николаевичу. Тот сидел за столом и пил чай. Угостив гостя, перекинувшись с ним несколькими незначительными фразами, Петр Николаевич встал из-за стола.

— Вася, — сказал он, положив руку на плечо Василию Ивановичу, — неужели есть хоть капля правды в том, что пишут? Хоть капля?

Василий Иванович поднял голову, встретился взглядом со Скурихиным. Боль и ужас — а вдруг? — стояли в глазах рабочего, много видевшего на своем веку. «А вдруг? А вдруг?»

— Петр! — проговорил Василий Иванович, поднимаясь со стула. — Что ты? Что ты? Да неужели же ты можешь...

— Молчи! Молчи! — прервал его Петр Николаевич и опустился на стул. — Молчи!

Через минуту он продолжал:

— Наш Ильич, конечно же наш. Если не верить ему, то кому же верить? Ведь я и сам был убежден в этом и об этом говорил тем, которые... — Петр Николаевич умолк и, расстегнув ворот рубахи, показал две глубокие заживающие ссадины на груди.

— Кто же это тебя так? — спросил Василий Иванович.

— Спор зашел с одним... Пришел на завод и давай: «Ваш Ленин — немецкий наймит! Ваш Ленин — давно купленный!..» Народ собирается, галдеж... Я ему сначала словами, а потом кулаком... Ведь куда метят? — зло и гневно продолжал Петр Николаевич. — Куда метят! В самое рабочее сердце! Подкосить! Стреляют метко, Вася, в самую цель!

* * *

Поздно вечером Василий Иванович ехал от Скурихина домой. В эти часы в трамвае — разношерстный, случайный народ. Люди возвращаются из театров, с кон-

цертов, с работы. Недалеко от Василия Ивановича — компания спорящих молодых людей, рядом — две молодые женщины. Василий Иванович невольно прислушался к их разговору.

— Знаешь, — говорила одна из них, — этот Ленин, говорят, получил от немцев полмиллиона рублей.

— Извиняюсь, — вмешался молодой человек. — Он долларами, долларами получил!

Пожилой мастеровой с усами слушал, слушал и сказал, ехидно улыбаясь:

— Откуда же у немцев доллары? Голова!

«Голова» сощурил и без того узкие глаза, подступил к усатому:

— Не нравится? А ты кто такой сам-то? Ты сам-то не из ихних?

— Кругом немецкие шпионы! Бей! — закричали из компании молодых людей.

Зазвенели разбитые стекла, пассажиры повскакали с мест, компания двинулась к мастеровому. Кондуктор дергала веревку; рабочий, которому осторожно старался помочь Василий Иванович, пробивался к проходу.

Он спрыгнул на ходу, когда трамвай замедлял ход, и скрылся в темноте. За ним в разные стороны кинулись молодые люди из подвыпившей компании.

«Вот так так, — пораженно раздумывал Василий Иванович, — далеко зашло!»

Когда трамвай тронулся, пассажиры долго еще суждали о случившемся, а Василий Иванович думал о том, как он был не прав, по-своему оберегая Ленина. Захотелось немедленно поехать к Ленину, рассказать ему, что видел и слышал, что понял за этот день. Но был уже поздний час, и Василий Иванович отложил поездку на завтра.

* * *

Утром, едва перевалило за девять, когда, по подсчетам Василия Ивановича, Ленин должен был уже встать и позавтракать, он пришел к нему.

— Ага, явились! — приветствовал его Владимир Ильич, стоя у окна и перебирая книги.

— Здравствуйте, Владимир Ильич.

— Здравствуйте. Ну-с? Опять ничего нового?

Василий Иванович кратко передал разговор со Скурихиным.

— Это факт, явление, — сказал Ленин, внимательно выслушав Василия Ивановича. — Какой вы делаете отсюда вывод? Какие обобщения?

Ленин прищурился и, склонив голову чуть набок, ждал ответа. «Нуте-ка, нуте-ка!» — говорил его взгляд.

— Вывод ясен, Владимир Ильич. Ложь о партии, о вас не только глубоко задевает рабочих, но и подозрение сеет.

— Ага! — воскликнул Ленин. — Отлично! Отлично! Продолжайте, пожалуйста.

— Выходит, Владимир Ильич, дорожат рабочие своей партией и хотят знать правду.

— Это важно или нет, товарищ Васильев? — воскликнул Ленин. — Это учет обстановки или нет?

— Это точные сведения, Владимир Ильич.

— А вы не хотели, батенька, эти обстоятельства учитывать. Ну, ладно! В решении главного вопроса мы с вами, выходит, продвинулись на несколько аршин вперед, на позиции, с которых уже легче разбираться в остальном. Что у вас еще? Статью передали?

— В тот же час. А еще, Владимир Ильич, нельзя вам дольше оставаться в городе.

— Знаю, — сказал Ленин.

Василий Иванович осмотрелся и только сейчас заметил, что на столе не было ни одного листа бумаги, книги рассортированы: большая стопка — слева; маленькая — из двух томиков — справа. На подушке лежал парик...

— Есть решение, товарищ Васильев, перебираться в другое место, — сказал Ленин. — Есть решение, и я подчиняюсь.

* * *

Ленина переправили в Разлив. Вскоре стало опасно находиться и там. Тогда вождя партии скрыли в Финляндии...

Время шло, и каждый новый день был тревожнее и опаснее предыдущего. По городу рыскали юнкера; в квартире, где останавливался последний раз Ленин, был произведен обыск; буржуазные газеты продолжали кричать, что большевики — немецкие шпионы...

В этом угаре и тревоге проходили дни, недели.

Василий Иванович ждал приезда Ленина. Ленин прибыл в Петроград в начале октября. Обстановка стала еще более тревожной, напряженной и опасной. Теперь Ленин даже дома был в парике, и его называли Константином Петровичем.

Постоянная осторожность стоила большого нервного напряжения.

Еще большее напряжение физических и духовных сил нужно было, чтобы руководить тем необыкновенным, величественным, что свершалось на земном шаре впервые.

Василий Иванович в эти дни как мог помогал Ленину: выполнял его поручения, сообщал ценные наблюдения и известия.

Однажды вечером Владимир Ильич просматривал объявления в газете «День».

— Видели, товарищ Васильев? — весело обратился он к Василию Ивановичу и прочел: — «Девицы! Выслушайте признания человека с серьезными намерениями...». Видели? Господин Плошкин невесту ищет не старше двадцати лет... «Продается имение...» Нам не нужно имение, товарищ Васильев?

— Пока нет, Константин Петрович.

— Жаль. Имение хорошее: парк, пруд, службы... Почуяли, чем пахнет, или поиздержались с деньгами?

— Константин Петрович, — сказал Василий Иванович, — солдаты-то...

— Ну, ну! — живо отозвался Ленин и повернул голову к Васильеву.

— В 180-м пехотном полку, запасном, на приказ командования вывести революционные войска из Петрограда ответили протестом.

— Ага! — восклекнул Ленин. — Это, говорите, 180-й пехотный, запасной?

— Да, Константин Петрович. Солдаты высказались за поддержку Петроградского Совета.

— Очень хорошо! Что еще нового?

— Пока все, Константин Петрович. Только вот опять вы без парика! — упрекнул Василий Иванович.

— Надену, товарищ Васильев. Дайте отдохнуть, ну хотя бы до десяти часов.

— До десяти можно, — разрешил Василий Иванович.

По дороге он, как всегда, раздумывал о словах Ленина. «Вот и солдаты к нам тянутся... Но чего-то, значит, еще не хватает... Что-то еще не сделано...» Он думал об этом и тогда, когда выполнял сложные, ответственные поручения Ленина. Несколько раз он доставлял Ленина на конспиративные квартиры, на встречи с Дзержинским, на заседания Центрального Комитета, деятельность которого становилась все интенсивнее и

напряженнее. Но, судя по всему, восстание должно было начаться не сегодня и не завтра.

Чего-то еще не хватало...

Как-то вскоре после возвращения в Петроград Ленин попросил Василия Ивановича достать ему все вышедшие номера «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов».

Владимир Ильич жил в то время на Выборгской стороне, на углу Большого Сампсониевского и Сердобольской. Василий Иванович закупил газеты в разных районах города и принес Ленину.

— Вот, Константин Петрович...

— Спасибо.

Владимир Ильич сел за стол у окна, которое выходило в сад соседнего дома, аккуратно сложил большую пачку газет и стал проверять номера.

— А где же, батенька, номер от 19 августа? — спросил он и, проверив все снова, добавил: — Нет этого номера.

Василий Иванович взялся за кепку, чтобы идти разыскивать газету, но остановился.

— Константин Петрович, мне сейчас нужно ехать к Дзержинскому... Ваше поручение... Если я займусь этим потом?

— Пожалуйста, займитесь этим сейчас, — сказал Владимир Ильич, четко произнося каждый слог и тем подчеркивая непреклонность своего решения.

Василию Ивановичу показалось, что Ленин в чем-то несправедлив: тут один какой-то номер, а там важное дело к Феликсу Эдмундовичу!

— Наденьте парик, Константин Петрович! — вдруг неожиданно для себя повелительно сказал Василий Иванович. — Опять вы без парика! Наденьте!

Ленин обернулся и, засмеявшись, шутливо сказал:

— Мстите?

— Вы просили напоминать о парике — я напоминаю!

— Надеваю, надеваю, подчиняюсь дисциплине, товарищ Васильев.

Надев парик, Владимир Ильич подошел к Василию Ивановичу и сказал:

— Не сердитесь, товарищ Васильев. Поймите: газеты — это очень важно. Архиважно!

— Иду, Константин Петрович.

Был найден номер «Известий» от 19 августа 1917 года. Владимир Ильич просмотрел его с синим карандашом в руках и, подавая Василию Ивановичу, указал на отчеркнутую статью:

— Что вы скажете, товарищ Васильев?

Василий Иванович взял газету, прочел отчеркнутое. Это был наказ 242 крестьянских депутатов. Речь шла о земле.

— Ну, ну, товарищ Васильев! — торопил Ленин. — Что вы скажете?

— Я думаю, Константин Петрович, крестьяне поддержат нас, если мы решим вопрос о земле.

— Так! — воскликнул Ленин. — Поддержат? А мы этот наказ положим в основу закона о земле.

«Вот еще одна ступенька на пути к цели, — подумал Васильев. — Крестьяне. Что же еще? Что нужно еще?»

Ленин усиленно работал, спать ложился в два — три часа ночи, давал массу поручений, расспрашивал о сотнях деталей... И все это — Васильев знал — ему необходимо было только для одной цели — направлять ход событий, точно определить начало вооруженного восстания — решающий момент...

Однажды вечером Василий Иванович в комнате Ленина заметил на тарелке, стоявшей на столе, узень-

кую длинную записочку, под которой стояла подпись: «Ильич». Не «Константин Петрович», не «К. П.», а «Ильич»!

— Вы куда-то собираетесь, Константин Петрович? — как бы между прочим спросил Василий Иванович, думая «поймать» Ленина в непростительном отступлении от правил конспирации.

— Да-с, собираюсь, — весело ответил Ленин. — Да-с, намереваюсь.

— А кто же вам позволил, Константин Петрович, оставлять такие улики? — по-прежнему тихо спросил Василий Иванович.

— Мы пойдем с вами, товарищ Васильев, в Смольный, — сказал Владимир Ильич. — Подготовьтесь!

Василий Иванович замер и взглянул в глаза Владимира Ильича. «Уже? — подумал он. — Все найдено и решено... Решено после разговора о рабочем Скурихине, о наказе 242 крестьянских депутатов о земле, о действиях и настроении солдат 180-го запасного пехотного полка, после получения известий о готовности моряков Балтики шагать в ногу с революцией, после рассказа о баррикадах и броневиках с пулеметами на Дворцовой площади, после анализа многих и многих других больших и малых вещей...»

Василий Иванович мог бы вспоминать без конца. Но ответственность за Ленина, сознание исключительной важности порученного дела заставили его думать о другом. Последний раз вождь революции должен идти тайком, в парике... Но еще несколько часов, и все изменится в стране и в мире.

Ночью Ленин и Васильев вышли на улицу. Была обычная петербургская сырья осенняя ночь. Глухо раздавались на пустынной улице шаги двух человек, спешивших по делам невиданной важности...

На перекресткѣ, где было посветлее, Ленин, надвигнув глубже мятую кепку, взглянул в лицо Василия Ивановича. «Ну?» — как бы говорил его взгляд.

Василий Иванович отвечал за жизнь Ленина. Ленин — за судьбы революции, за успех вооруженного восстания. «Сколько бы ни было опасностей и препятствий, — думал Василий Иванович, — а я вас, Владимир Ильич, в Смольный доставлю вовремя и в целости. А в судьбе восстания и революции сомнений быть не может».

Тысячи людей — рабочие, крестьяне, солдаты, моряки — тысячи людей, которых Ленин знал и с кем встречался, и те, кого никогда не видел, подсказали ему момент выступления. Василий Иванович верил, что учтено все и ошибки не будет.

— Хорошая ночь, — сказал Василий Иванович, как бы подводя итог своим мыслям.

Ленин снова взглянул на него и одобрительно кивнул головой.

Они шли в Смольный.

НА ЗАВОДЕ

Темной октябрьской ночью в заводском комитете Путиловского завода, занявшем две комнаты бывшего вагонного отдела, дежурили двое рабочих — Михайлов и Чешихин. Михайлов всего лишь день-два назад приехал с фронта.

На дворе было холодно и сырьо. Рабочие затопили плиту и, расположившись рядом, грелись, чувствуя, как тепло и уютно становится в этой небольшой комнате. На плите, обещая приятное занятие, стояли закопченный солдатский котелок с картошкой и чайник.

Хотелось есть.

Было уже около часа ночи, когда в соседней комнате послышались чьи-то уверенные и энергичные шаги. Затем дверь открылась, и вошли двое — один в осеннем пальто с поднятым бархатным воротником, другой в кожаной куртке, видно шофер.

В первом Чешихин и Михайлов сразу же узнали Ленина, — двенадцатого мая, всего несколько месяцев назад, на двадцатипятнадцатом митинге он выступал у них на площади перед прокатным цехом.

— Здравствуйте, товарищи, — сказал Владимир Ильич, протягивая руку сначала Чешихину, потом Михайлову.

Взволнованные и удивленные, они молча ответили на рукопожатие, так и не назвав своих фамилий. Сам Ленин, и так поздно!

Ленин осмотрелся и, заметив на стене гвоздик, снял и аккуратно повесил на него пальто и мятую мягкую кепку.

— У вас тепло, — сказал он и, как это делают люди с мороза, крепко потер руки. — Отлично! Отлично!

Ленин сунул руку в карман брюк и спросил:

— Ну, а каково настроение на заводе? Как реагируют рабочие на захват власти? Идут ли на фронт?

Слегка выставив подбородок, Владимир Ильич бросал взгляды то на Чешихина, то на Михайлова, ожидая от них точных и исчерпывающих ответов.

— И, конечно же, нам нужно сесть! — неожиданно предложил он все еще стоявшим рабочим и сам первым сел на табуретку, ловко пододвинув ее к столу, напротив Чешихина и Михайлова.

Отвечал ему Михайлов деловито и неторопливо, а Чешихин лишь изредка, в знак полного одобрения, кивал головой.

— Настроение, Владимир Ильич, скажем прямо, хорошее. А об отношении к власти и к фронту сами судите: отряды Красной гвардии организовали по первому зову и прямо с завода двинулись на Лугу, на Тайцы, против Керенского.

— Так... Так... — говорил Ленин. — Отлично! — и снова спрашивал: — А сколько отрядов отправили на фронт? Как они вооружены? Хорошо ли воюют?

— Воюем по-рабочему, Владимир Ильич, — отвечал Михайлов.

— То есть?

— Он мне, — вмешался Чешихин, кивнув головой на товарища, — только что рассказывал, как их отряд в

лужских лесах встретился с частями Керенского. Наши им так поддали, что керенцы бежали, как крысы!

— Значит, по-рабочему? — смеясь, переспросил Владимир Ильич.

— По-рабочему...

Он смеялся, радостный и веселый, и с удовольствием повторял:

— Бежали, значит?

Это были первые победы рождавшейся новой армии, и он радовался им, как огромным, невиданным достижениям.

— Бежали!

Ленина окрыляли сведения о фронте, и, видя это, Михайлов стал рассказывать о положении на заводе, настроении птиловцев и их семей, о нуждах бойцов только что организованных отрядов Красной гвардии. Владимир Ильич внимательно слушал его.

— Не хватает панорам к орудиям, — озабоченно говорил он, — проводов и аппаратов для полевой телефонной связи. За ними и приехал, Владимир Ильич.

— Ага! — воскликнул Ленин. — Панорам и аппаратов! Значит, воюете по всем правилам? А когда отбудете назад? С чем? Завод полностью выполнит заказ фронта? Возможен ли саботаж?

Михайлов отвечал:

— Думаю, невозможен... Заказ завод выполнит неизменно полностью, Владимир Ильич. Через два дня уеду.

Владимир Ильич снова задавал все новые и новые вопросы, предлагая их Чешихину и Михайлову, как это он обычно делал, сразу несколько. Как с продовольствием? Есть ли топливо на заводе? Как ведут себя меньшевики и эсеры? Велико ли их влияние на рабочих? — его интересовало все.

Рабочие отвечали.

Владимир Ильич сидел согнувшись и охватив колени руками, слушал, как будто он всю жизнь сидел за этим столом, всю жизнь знал этих людей.

Чешихину и Михайлову казалось, что Ленин вот сейчас закончит разговор и попросит разыскать кого-нибудь из заводского начальства или, может быть, все начальство сразу. Но шло время, а Владимир Ильич, казалось, и не думал об этом. И они вдруг поняли, что этот приезд, несмотря на свою неожиданность и поздний час, эта беседа входили в круг интересов, неотложных и важных дел, составлявших жизнь Ленина.

— Так... Так... — повторял он, слушая рабочих, и время от времени отмечал: — Это нужно учесть.

Достав записную книжку, он что-то записывал туда торопливым, стремительным движением руки и опять задавал вопросы:

— А что у вас делается для детей? Можно организовать сады, дома, школы. Кто-нибудь думает об этом?

И смотрел на собеседников глазами, выражавшими заинтересованность и надежду, что не только он один, конечно же не только он один, думает об этом.

— Так... Так... — повторял он снова, слушая ответ, и опять что-то записывал в свою книжку, и опять задавал новые вопросы.

— Владимир Ильич, — спросил Михайлов, — а что вы так поздно?

— Почему поздно? Вижу — здесь всегда люди, — Ленин улыбнулся и добавил другим тоном: — Я был в Красном Селе и сюда заехал по дороге — узнать, каково положение на Путиловском заводе.

Тикали часы, доносился шум огромного завода. Зашипел на плите котелок.

— Ой-ой-ой! — вдруг воскликнул Владимир Ильич. — А про котелок вы и забыли!

Михайлов быстро встал и, потыкав вилкой в котелке, определил:

— Пожалуй, в самый раз... — Он сделал паузу и предложил: — Может быть, желаете, Владимир Ильич, покушать?

— С удовольствием! — согласился Ленин.

Котелок поставили на стол, и Владимир Ильич вместе с рабочими с большим аппетитом ел картошку в мундире, ловко очищал ее, перекладывая из руки в руку, чтобы не ожечься, макал в соль, насыпанную на бумагу.

Посыпав кусочек хлеба крупной, грязноватой солью, он пил из кружки горячий чай, похваливая:

— Отличный ужин! Отличный чай!

И при этом смотрел на Чешихина и Михайлова веселыми, счастливыми глазами.

Он весь был здесь — с этими рабочими, один из которых через два дня отправится на фронт, весь здесь, как днем весь был с матросами, солдатами, крестьянами. И когда завтра или, может быть, даже сегодня ночью он будет говорить с учеными, вагоновожатой или работницей, он весь будет с ними...

Прощаясь с Чешихиным и Михайловым, Ленин крепко жал им руки и, зная, что их больше всего волнует, уверенно говорил:

— Дела идут хорошо. Мы непременно, мы безусловно победим!

Он сверкал довольными глазами человека, которому для личного счастья необходимо счастье всех людей на земле, и повторял:

— Победим безусловно! Мы безусловно победим!

Начальства он так и не потребовал...

Его проводили до заводских ворот, смотрели, как он садился в машину, как захлопнулась дверца, как автомо-

биль отъехал. Было как-то очень жалко, что машина почти сразу же скрылась в темноте.

Чешихин и Михайлов молча постояли на месте, глядя туда, куда умчался автомобиль с Лениным, и молча вернулись в комнату заводского комитета.

Здесь они тоже долго молчали.

— Да! — только и произнес наконец Михайлов, бережно взяв железную кружку, которую всего лишь несколько минут назад держал в своих руках Ленин, такой простой и такой необыкновенный.

ХОДОК ИЗ ПАХОМОВКИ

К столу секретаря Ленина в Смольном, потоптавшись у входа, осторожно приблизился пожилой крестьянин в новых лаптях и в поношенном армяке, подпоясанном мягкой от долгого употребления веревкой. В одной руке он держал шапку, в другой — котомку. От армяка и котомки отдавало запахом ржаного хлеба, дыма, и вспоминалась рига, жнивье, голые поля, где сжигают картофельную ботву, голубое осеннеё небо, в глубине которого с курлыканьем тянут в жаркие страны журавли...

— С почтением, — приветствовал секретаря крестьянин, уважительно кланяясь.

— Здравствуйте, товарищ, — секретарь, молодая женщина, подняла на посетителя глаза.

— Мне бы к Ленину... — сказал крестьянин и неуверенно добавил: — Товарищ...

— Вам обязательно к Ленину? По какому вопросу вы к нему? — спросила секретарь.

— Вопрос наш очень известный: насчет земли, товарищ хороший.

— А что же насчет земли? Вам что-нибудь неясно? Декрет до вас дошел?

— Дошел, — ответил крестьянин и, вздохнув, открыл котомку, стал в ней что-то искать.

— Да вы садитесь, пожалуйста, товарищ, — предложила секретарь. — Как ваша фамилия?

— Пахомов... — ответил посетитель, сядясь на стул. — У нас вся деревня — Пахомовы, и называется — Пахомовка. И вокруг тоже — Малая Пахомовка, Новая Пахомовка. Все у нас Пахомовы... Вот... — крестьянин подал секретарю истертый на сгибах, измятый и кое-где подклеенный лист бумаги.

Секретарь взяла его в руки и стала внимательно разглядывать.

— Вот из этой бумаги вы и узнали, что земля теперь ваша? — удивленно спросила она.

— Из этой... Из этой...

Секретарь осторожно разложила ее на столе. Это была рукописная копия декрета о земле, исполненная не очень грамотно на разграфленном красными и черными линиями листе «Дебет», вырванном из конторской книги; к тому же на сгибах бумага настолько истерлась, что отдельные слова и даже фразы прочесть было теперь уже трудно.

— Да-а, — удивленно протянула секретарь, с уважением разглядывая самодельный сколок с документа, побывавший в сотнях заскорузлых мужичьих рук.

А сколько глаз впивалось в него, желая лично удостовериться в том, что земля теперь «наша». Трудно было поверить в это. Секретарь по опыту знала, что сельских ходоков к Ленину обычно волнуют вопросы, связанные с переходом земли в руки крестьян. Общество же, пославшее Пахомова, по-видимому, кроме того, смущала подлинность документа, вернее, реальность существования самого декрета о земле.

Секретарь направила ходока к заместителю наркома земледелия.

— Так не выйдет, — сказал Пахомов, тяжело вздохнув. — Меня общество к Ленину посыпало. Мне Ленина и надо. Самого!

— Понимаю, товарищ Пахомов. Но ведь Владимир Ильич при всем желании не может принять всех. А товарищ, к которому я вас направляю, занимается как раз земельными вопросами и все прекрасно вам объяснит. Он заместитель народного комиссара земледелия.

— Ага, — произнес Пахомов, раздумывая, явно неудовлетворенный. — Все-таки к комиссару, значит? А если с комиссаром не столкнемся, — тогда к Ленину? — и он искоса и хитровато взглянул на секретаря, держав в руках раскрытую котомку.

Секретарь подумала, что, очевидно, не случайно общество послало в Питер именно Пахомова, а не кого-нибудь другого.

— Тогда к Ленину, — вынуждена была согласиться она.

Пахомов хлопнул ладонью по столу:

— Договоренное дело! — и встал, думая, что наверняка еще вернется сюда.

Стол, за которым, как указали Пахомову, занимался заместитель наркома, решительно ничем не отличался от доброго десятка таких же столов, наставленных в этой общей комнате, — обычный канцелярский стол, покрытый зеленым сукном, закапанный и залитый фиолетовыми чернилами.

Хозяина его не было на месте, и Егор Пахомов сидел на стуле и, стукая пальцами по сукну, степенно разглядывал обстановку. Она ему не нравилась. Не было в ней солидности, что ли, обстоятельности, сразу же вызывавших и доверие, и даже долю трепета, что в таких случаях Егор Пахомов считал необходимым. «Как-никак, хоть новая, а власть! А власть, тем более высшая, должна требовать почтания, вызывать страх, пусть хоть

малый...» Нет, все здесь было не так. От стола к столу, за которыми сидели одетые кто во что горазд люди, и среди них даже несколько женщин, свободно переходили посетители. В комнате стоял гул. Здесь же звонили по телефону, печатали на машинке... В дверь втаскивали огромный шкаф, а кто-то приколачивал к стене табличку «Не курить»...

Но вот к столу, за которым ожидал Егор Пахомов, подошел невысокий человек в серой рубашке навыпуск и сапогах, ни дать ни взять мастеровой или учитель из деревни. Садясь за стол, он спросил:

— Вы ко мне, товарищ?

Егор Пахомов повернулся к нему, встал и, помедлив, ответил вопросом:

— Комиссар, значит?

— Заместитель...

— С почтением, — приветствовал его Пахомов.

— Здравствуйте, товарищ. По какому делу?

— Насчет земли... — ответил Пахомов.

— Неясен декрет?

— Да, — кивнул головой ходок и еще раз критически огляделся: навряд ли в этой комнате и с этими людьми добьешься толку, но говорить надо...

Пахомов повернулся к заместителю наркома, а тот спокойно, привычно, словно говорил с классом или со студентами, сказал: «Попытаюсь объяснить» — и начал объяснять:

— Помещичья собственность на землю революцией отменена без всякого выкупа, и немедленно! Раз! — Заместитель наркома энергично резанул рукой. — Что это значит? Это значит прежде всего...

— Извиняюсь... — к столу подошел человек в военном костюме, — в этом шкафу у меня бумаги, — он указал на шкаф позади заместителя наркома.

Заместитель вместе со стулом подвинулся в сторону.

— Это значит прежде всего, — продолжал он, — что земля, принадлежавшая доселе помещикам, монастырям, лицам царской фамилии, передается в безвозмездное пользование всех тружеников, тех, кто ее непосредственно обрабатывает. С этого исторического момента полновластными хозяевами земли становитесь вы — крестьяне.

— Нет, не в шкафу, — с сожалением сказал человек в военном костюме, — в левой тумбочке... — И он указал на тот край стола, за которым сидел теперь заместитель наркома.

Заместитель со стулом переместился на прежнее место и горячо продолжал:

— Земля — производителям! Кончилась эпоха эксплуататоров, началась эпоха подлинных хозяев нашей планеты!

— Прошу прощения, — опять вмешался человек в военном костюме, — но бумаги, очевидно, в среднем ящике...

Заместитель вышел из-за стола и, усевшись на связке бумаг рядом с Егором Пахомовым, продолжал:

— Отныне — все земли ваши. Ваши — и навеки!

Не прошло и пяти минут, как, устанавливая новый шкаф, подвинули и стол. Заместитель наркома и Егор Пахомов оказались сидящими перед пустым местом.

«Ну и комиссар! Ну и хозяин земли!» — подумал Пахомов.

Он дослушал до конца, задал для близира несколько вопросов и, получив экземпляр декрета о земле, поклонился и, распрошавшись, ушел.

Все ходоки, все приезжавшие в Питер по тем или иным делам, как правило, непременно хотели побывать у Ленина — посмотреть на него, поговорить, пожать ему руку, собственными глазами удостовериться в его реаль-

ном физическом существовании. Кроме того, и это было самым главным, в те дни вся правда нового мира, его идеи и смысл, не всем еще ясные, его формы, не всем еще понятные, как никогда и нигде в истории человечества, сосредоточивались в одном имени — Ленин. И неясное становилось понятным, недавно чужое — близким, невероятное — возможным.

Каждый из ходоков хотел иметь право сообщить пославшим его: «Это мне сказал Ленин. Я сам говорил с ним, я видел его».

Когда Егор Пахомов снова подошел к секретарю Ленина, она не удивилась: и этот, как все другие, будет добиваться встречи с Владимиром Ильичем.

— Как успехи? — спросила она Пахомова.

— Поговорили, — уклончиво ответил тот и добавил не без значения: — Я сидел на стуле, комиссар на тючке с бумагами. — Он помолчал и заявил твердо: — Непременно надо повидать Ленина, дорогой товарищ. Что я скажу миру? Наказали поговорить с самим Лениным. Уважьте, дорогой товарищ, наши Пахомовки.

Секретарь вздохнула и, не став объяснять, как занят Ленин, который в последнее время спал всего по два — три часа в сутки, сказала:

— Подождите. Я узнаю, когда Владимир Ильич сможет поговорить с вами.

— Вот, вот! — радостно воскликнул Пахомов. — Вот то, что и надо!

Он сел на предложенный стул и стал ждать.

Из кабинета Ленина вышли моряки, и сейчас же туда вошли, судя по всему, рабочие. Рабочих сменили солдаты, солдат — человек в очках и дорогой шубе. Несколько раз входила к Ленину секретарь.

— Скоро примет, товарищ Пахомов, — сообщила она.

— Спасибо, спасибо, — признательно проговорил Пахомов и, озабоченный, добавил: — Я могу и еще подо-

ждать, пусть товарищ Ленин распорядится, как ему сподручнее.

Наконец от Ленина вышел и человек в очках и дорогой шубе. В кабинет никто не входил. Ленин как будто освободился, но секретарь сказала Пахомову:

— Через десять минут, товарищ.

Секретарь вскоре ушла, и Егор Пахомов решил, что у Ленина наступил вроде как перерыв.

Минут через пять, которые ему показались добрым получасом, Егор Пахомов в нетерпении встал, но, подумав, что стоять, как столб, негоже, снова сел. Но еще через минуту он сам не заметил, как снова встал и уже ходил по приемной. Он не взглянул на часы, когда секретарь сказала, что нужно ждать десять минут, и теперь волновался, не зная, сколько времени уже прошло. Ленин, может быть, уже беспокоится, ждет, зря теряет драгоценные минуты, а он, Егор Пахомов, все не идет и не идет... Секретарь не возвращалась...

Наконец Егор Пахомов приоткрыл дверь и как был с котомкой в руках вошел в кабинет.

Среднего роста крепкий человек в поношенном костюме сидел за маленьким столом — невдалеке от большого рабочего стола — и ел что-то из солдатского поцрапанного котелка.

«Неужели это Ленин?!»

Егор Пахомов остановился.

— Проходите, проходите, товарищ, — пригласил его человек и сделал движение рукой, в которой держал ложку. — Садитесь, я сию минуту освобожусь. Как ваша фамилия, товарищ?

— Пахомов... — ответил тот, несколько растерянный.
«Да, Ленин!»

— Садитесь вот здесь, товарищ Пахомов, — Ленин указал на стул недалеко от себя. — Из деревни? Насчет

земли? — живо спросил он, когда посетитель сел. — Очень интересно!

Пахомов, присевший осторожно на стул, смотрел на Ленина, на котелок, на ложку с сухой кашей и никак не мог прийти в себя. Хотя он отлично слышал, что ему говорили, но и это обращение к нему, и цель, с которой сюда шел, на какое-то время вдруг отодвинулись на второй план.

— Каша, — проговорил Пахомов, невольно кивнув на котелок. — Каша... без масла!

— Пока без масла, товарищ Пахомов, — ответил Ленин.

— Господи Иисусе! Товарищ Ленин! — воскликнул Пахомов и, вскочив, быстро стал рыться в своей котомке. — Да что же это такое, Никола угодник! Святой Егорий!

Он извлек из котомки сало, завернутое в тряпицу, краюху хлеба, соль в бумажке и луковицу.

— Товарищ Ленин! — горячо сказал Пахомов, вываливая все это из рук на стол, рядом с пустым уже котелком. — Не побрезгуйте!

— Нет, нет! Спасибо! — решительно заявил Владимир Ильич. — Я уже сыт.

— Товарищ Ленин! — продолжал так же горячо Егор Пахомов. — Мыслимое ли для вас дело — каша без масла! Да меня мужики со свету сживут, если я им расскажу, что вы ели сухую кашу, а я — сало!

— Ну, если так, — сказал Ленин, — отрежьте ломтик. Ради вашего спасенья.

Егор Пахомов достал нож с деревянной ручкой, с лезвием из косы и отхватил кусок сала. Нож был остер, как бритва.

Закусывая салом и пахучим ржаным хлебом, Владимир Ильич заметил:

— Отличное сало! Отличный хлеб! Давно не ел та-

кого... Хорошо живете, выходит? А как настроение в деревне? Что говорят крестьяне о декрете?

Декрет о земле был написан Лениным всего неделю-полторы назад... После того как рабочие и солдаты взяли Зимний дворец и Владимир Ильич явился на заседание Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов, где им была провозглашена победа первой в истории социалистической революции, после непрерывного двадцатичасового напряжения всех сил, нервов, мозга Владимир Ильич отправился отдохнуть на квартиру Бонч-Бруевича. Но, дождавшись, когда хозяева уснули, чтобы не мешать им, Владимир Ильич сел за письменный стол... Он писал, перечеркивал, снова писал... И только когда начало светать и в окна глянуло позднее и серое осенне петроградское утро, Владимир Ильич лег.

Утром, за чаем, он вынул из кармана начисто переписанную рукопись и прочел вслух «Декрет о земле».

В тот же день вечером декрет был принят Вторым Всероссийским съездом Советов и опубликован в газетах и отдельной книжечкой.

И вот теперь Владимиру Ильичу предстояло узнать, как он принимается на местах.

Задав вопрос, Владимир Ильич уселся поудобнее и весь приготовился слушать.

— Что говорят о декрете? У-у! — не то в восторге, не то в некотором испуге протянул Пахомов, отвечая Владимиру Ильичу. — В жизни не видел такого столпотворения!

— Значит, всколыхнуло деревню? — спросил Ленин.

— Что там говорить! Гудет, как улей! У нас теперь вся жизнь на улице — собираются кучками и спорят.

— А о чем спорят? — живо откликнулся Ленин и в упор посмотрел на Пахомова.

— О многом, товарищ Ленин, — ответил тот и начал перечислять: — Всю землю отбирать или не всю...

— Всю, всю! — решительно заявил Владимир Ильич, вытирая руки о салфетку и пересаживаясь за рабочий стол. — Всю, до единой пяди! Еще о чем?

— Выкупов решительно никаких или же, чтобы господа с голоду не померли...

— Решительно никаких! — заявил Ленин. — Собственность на землю отменена без какого-либо выкупа. Земля переходит тому, кому она и принадлежит по праву. Еще о чем спорят?

— По совести говоря, — продолжал Пахомов, и видно было, что он приступает к самому главному, — и еще кое о чем спорят.

— О чем же?

Пахомов вздохнул, потрогал себя за ухо, нос и твердо, особо отчетливо сказал, решившись:

— Сомневаются мужики — не наломают ли потом бока за эту землю, да так, что никогда уж с земли не встанешь?

Ленин нахмурился.

— Так, так, — сказал он. — А откуда такие разговоры?

Пахомов слегка развел руками.

— А ведь, как и все, они не без причины, — продолжал Ленин.

— Страшновато, — ответил Егор Пахомов.

— Страшновато, — согласился Ленин. — Понимаю! Ну, а самое главное? Кого боитесь? Что страшновато?

Егор Пахомов не ответил.

— Уж так ли хочется помещикам и монастырям расставаться с тем, чем владели веками? — спросил Ленин. — Конечно же, нет. Вот монахи и помещики через своих людей и могут грозить намять бока! Только вопрос весь в том, кто будет мяТЬ.

— Так ведь охотники есть, товарищ Ленин, — заметил Пахомов.

— Охотники есть, — согласился Ленин. — А вы охотники подставлять бока? Не думаю!

— Мы до этого не охотники, товарищ Ленин, — серьезно сказал Пахомов. — Но силенка кое у кого еще есть...

— У врагов? — подхватил Владимир Ильич.

— У врагов... — согласился Пахомов.

— Ага! — с силой воскликнул Ленин. — Крепка ли Советская власть, устоит ли она? В этом вопрос? Ясно! Заберем землю-де, а потом новая власть рухнет, большевики и комиссары разбегутся в разные стороны, а мужиков кольями за самоуправство! Понятно! — Ленин вышел из-за стола и, подойдя к Пахомову, сказал: — Советскую власть никто и никогда не одолеет, хотя против нее ополчится весь мир капитализма. Ее существование зависит от всех нас и от вас, товарищ Пахомов!

Егора Пахомова последние слова озадачили.

— Это почему же от нас, товарищ Ленин? — спросил он.

— Да хотя бы потому, — серьезно сказал Ленин, — что вы едите сало, первоклассный хлеб, а рабочие, солдаты, матросы, ученые — черт знает что! Да, да!

Егор Пахомов опустил голову, молчал... Ну, не слишком хорошо едят, но в общем-то так... С городом не сравнить... Он посмотрел на Ленина, который шел к своему креслу, и сказал медленно:

— Думаю, мужики хлеб рабочим дадут... Соберут...

— Вот это дело! — произнес Ленин. — Хорошее мы с вами начинание надумали, товарищ Пахомов! Ждите представителей рабочих!

И он пометил что-то у себя в бумагах, очевидно уже зная, как эту только что счастливо найденную мысль претворить в жизнь повсюду.

— Отлично! Отлично, товарищ Пахомов! — и, улыбаясь, Ленин спросил: — Ну, а как же все-таки насчет земли? Значит, страшновато, не будете брать?

Егор Пахомов посмотрел в одну сторону, в другую и ответил медленно и солидно:

— Землю мы в одночасье поделили, и всю.

Несколько мгновений тишины — и потом раздался громкий, раскатистый хохот. Ленин, запрокинув голову назад, сунув большие пальцы за проймы жилета, смеялся от всей души. Он было затихал, но, вспомнив ответ Пахомова, хохотал с прежней силой.

— Уже отобрали и поделили! — все еще продолжая смеяться, воскликнул он. — В одночасье! И всю! Так, так, так! А теперь сомневаетесь?

И он снова громко рассмеялся.

— Да теперь, пожалуй, не сомневаемся, — сказал Пахомов, закрывая свою котомку. — Но вопрос, товарищ Ленин, имеется.

— Еще вопрос? Пожалуйста. Наверное, он самый главный? — живо спросил Владимир Ильич, лукаво прищурившись. Спрашивал он с каким-то особым удовольствием, очевидно предвидя сложный, «заковыристый» вопрос, на который приятно дать ответ.

— Выходит, да, — подтвердил Пахомов, собираясь с мыслями.

— Давайте главный.

— Вот вы говорите: не сомневайтесь, — начал Пахомов. — Мол, власть на века. А что это, извиняюсь, за власть такая: один даже стола не имеет, прошу прощения — комиссар без портока; другой — кашу без масла ест...

— И лысый к тому же! — быстро, в тон Пахомову, добавил Ленин улыбаясь.

Пахомов опустил глаза и, помолчав из почтения, продолжал:

— ...кашу без масла ест, а всей Россией управляет.
Что за власть?

— А вот вас выберут в Совет, — ответил Ленин, — и будете вы, товарищ Пахомов, власть в лаптях и в армяке, простите, веревкой подпоясанном. Какая это власть будет? Своя! Народная!

В кабинет четким шагом вошел подтянутый, сухопарый и потому казавшийся высоким, человек с маленькой бородкой клином и ясным просторным лбом.

— Товарищ Дзержинский... Феликс Эдмундович, — обратился к нему Ленин, все еще улыбаясь, — вот товарищ Пахомов, крестьянин... Говорит, боимся брать землю, бока наломают... Я ему о Советской власти толкую, о том, что она навечно, а он говорит — власть несолидная. А землю-то, оказывается, давно уж поделили, и всю!

Владимир Ильич снова рассмеялся и протянул руку Дзержинскому.

— Каков, а? — спросил он. — Пришла в движение огромная сила, и если бы кто-нибудь попытался по недоразумению стать ей поперек дороги, его бы смели!

Ленин проводил Егора Пахомова до выхода, пожал ему руку и, когда дверь за ним закрылась, вернулся к Дзержинскому.

Выйдя от Ленина, Егор Пахомов остановился в приемной. Он удивленно хмыкнул, огляделся и стал рассматривать самого себя... Лапти... Обтрепанные полы армяка... Веревка...

«И я власть?» — подумал он и улыбнулся.

— Ну как? — спросила его секретарь. — Все, надеюсь, в порядке?

— Теперь к комиссару надо, — сказал Пахомов озабоченно.

— Что? — удивленно отозвался секретарь. — И Ленин вас не устроил?

— Устроил... С комиссаром у меня нехорошо получилось, — ответил Пахомов, думая о том, что ведь заместитель наркома говорил ему про землю то же самое, что и Ленин, но вот одному он поверил, а другому нет...

Заместителя наркома Пахомов нашел за новым столом, теперь, наверное, уже постоянным, — заместитель осматривал ящики и складывал туда книги и немногочисленные свои бумаги.

Егор Пахомов протянул ему руку и сказал:

— Уезжаю... Большое спасибо, товарищ!

— А ведь мы прощались, — напомнил заместитель, вставая.

— Да, прощались, — подтвердил Пахомов. — А теперь еще раз.

И когда заместитель подал ему свою руку, Пахомов крепко, с благодарностью пожал ее.

МОСТ

В темноте слышно было, как трещал лед, как с шумом сталкивались льдины и журчала вода. Шла весна. Пахло прелыми листьями и теплой, нагретой землей. Мы ехали в районный центр.

— Мост не снесет? — спросил я, вслушиваясь в тяжелую работу воды и льдин, со скрежетом наезжавших друг на друга, с треском ломавшихся в куски. — Сколько мостов сносит в такую пору...

— Этот не снесет, — ответил шофер. — Мы проедем по Советскому мосту.

— По какому?

— По Советскому. Вы не были в наших местах?

— Нет, — ответил я.

И тогда старый шофер поведал мне историю, которая изложена в этом рассказе.

Никита Попов сидел на заплатанных мешках с рожью и, дымя самокруткой, ехал на мельницу. Рыжая бежала спокойно и плавно, не убыстряя шага при спуске с горы, не натуживаясь при подъеме. Никита привязал вожжи к передку и, вполне положившись на лошадь, курил, изредка сплевывая то вправо, то влево.

На много верст вокруг золотилось под солнцем сухое жесткое жнивье. Желтое пространство по обе стороны от Никиты пересекалось зелеными — с кустами и пышными деревцами — оврагами, спускавшимися к речке.

Две самокрутки выкурил Никита, догорала уже третья, остаток ее висел, приклеившись к нижней губе, а Никита все ехал и ехал, и вокруг было все жнивье да жнивье, овраги да кусты.

Никита был не в духе и нехотя думал о своих делах. «Полушубок с овчин справить, валенки тож к зиме подшить... Макаровым вожжей больше не давать: брали, в дегте вымазали, да так и отдали — все руки замарал».

Никита выдрал из-под мешков пук соломы и принялся вытираять руки. Тут он вспомнил о куреве и сплюнул окурок.

Дорога шла круто под горку, к узенькой, едва поблескивавшей из-за кустов речке. Рыжая зафыркала, но продолжала бежать все так же спокойно.

Вскоре показался и мостик, весь еще новенький, белевший перилами на фоне зелени и голубой воды. Был этот мостик настолько шаток, что дрожал, прогибался даже тогда, когда по нему проезжала не очень тяжело груженная телега. Строили его две волости, границей которых служила речка, каждая сторона считала мост не своим делом, и, наверное, поэтому получился он таким непрочным.

Никиту снова потянуло закурить, но его так размороило солнце, что он не хотел двигаться и лезть в карман за кисетом.

И пока в его голове решалось: курить и, значит, подниматься с мешков, чтобы достать кисет, или не курить до мельницы и продолжать сидеть, — он потрогал свою темно-коричневую коротенькую бородку, жесткую, как щетка для чистки лошади.

«Закурю», — решил он и уже привстал и наклонился,

чтобы удобнее было достать кисет, но услышал позади себя шум мотора и повернул голову.

В облаке легкой пыли далеко от Никиты на дороге показался автомобиль.

«Разъездились!» — недовольно подумал Никита и, дернув левую вожжу, свернулся на жнивье. Очень ему хотелось посмотреть, как автомобиль будет проезжать по этому мостику. И Никита остановил лошадь. Он поднялся, сел лицом к автомобилю, катившему по дороге, и, не отрывая от него взора, стал медленно сворачивать самокрутку.

Автомобиль приближался, и теперь можно было рассмотреть, что мучнистая пыль была не впереди, а сзади него, она выбивалась из-под колес и тянулась за машиной. Вскоре Никита рассмотрел и пассажиров. За рулем сидел молодой шофер с простым, открытым лицом, в военном костюме из грубой шерстяной материи. Сзади него кто-то в штатском, рыжеватый, видно, не очень высокого роста. Его лицо показалось Никите знакомым.

«В волость начальство, — решил Никита. — А я тут еще остановился, незнамо зачем... Может, того, проехать?»

Но было уже поздно: замедлив ход, автомобиль подъезжал к Никите.

Шофер привстал, чтобы рассмотреть мост. Посмотрел, посмотрел и остановил машину возле телеги Никиты. Человек в штатском, сощурившись, тоже смотрел на мост.

— Что? — спросил он. — Не проедем?

Шофер пожал плечами и вышел из автомобиля.

Видно, ездоки были издалека. Шофер потоптался на месте, разминая ноги, а затем направился к мосту.

— Посмотрю, — сказал он штатскому.

Тот кивнул головой и тоже поднялся.

— Товарищ, — обратился он к Никите, — а как поващему, проедем или не проедем?

Никита не спеша вынул самокрутку изо рта, сковырнул с нее ногтем пепел и не сразу ответил:

— А черт ее знает... Проедем, не проедем: мост-то, извиняюсь за выражение, советский!

Считая разговор оконченным, он опять сунул самокрутку в рот и задымил, стараясь всем своим видом показать, что все это не очень интересует его. Но ответ Никиты неожиданно рассмешил человека в штатском, и он заразительно рассмеялся, повторяя:

— «А черт ее знает. Мост-то, извиняюсь за выражение, советский!» Слышите, товарищ Егоров, — обратился он к шоферу. — «Мост-то советский!..»

— Слышал, — озабоченно ответил тот, подходя к штатскому. — Машина проехать может, но настил-то мы им наверняка развороним, Владимир Ильич.

Владимир Ильич!

Никита медленно, чтобы не заметили, поднял на него глаза и, стараясь увидеть что-то новое, всмотрелся в лицо.

«Рыжеватый, глаза щурит... Ленин-Ульянов! — догадался Никита и вспомнил овальный портрет, где была именно такая подпись: «Ленин-Ульянов». — Батюшки! Ленин! — И сейчас же от испуга слово за словом стал проверять себя: — Ну да, советский... Советская власть строила... Правильно. А вот что в стороне стою и вроде как надсмехаюсь — нехорошо!»

Никите казалось, что Ленин, который, прищурясь, смотрит на него, разбирает его по косточкам. Вот сейчас доберется до того, почему он здесь стоит, — и пропал!

Но Владимир Ильич все еще улыбался.

— Интересно, интересно, — проговорил он. — Что же это за власть такая? Как это она осмелилась так плохо строить?

Вопрос был обращен к Никите, и он хотел уже пожать плечами в ответ, но Ленин повернулся и неизвестно кому сказал:

— Что за власть? Уж не мы ли с вами?

Шофер, все еще приглядывавшийся к мосту, взглянул на Ленина и, точно слова не касались его, вновь стал смотреть на мост, что-то соображая.

«Значит, ко мне», — подумал Никита и хотел сделать вид, что к нему это и подавно не относится, но что-то помешало ему, и он сказал:

— Да уж не знаю. Только мост, как холодец, трястется.

— Ну да, советский, — подсказал Ленин и, опять рассмеявшись, подсел на телегу к Никите. — Значит, говорите, в советское еще не все верят?

Никита кашлянул и в замешательстве проговорил:

— То есть... как сказать... сомневаются, конечно...

— Сомневаются? — спросил Ленин.

— Сомневаются, — подтвердил Никита.

— Ну, в первый год Советской власти сомневаться еще можно. А вот пройдет лет этак пять, десять... «Это советский», — с гордостью будут говорить, то есть лучший, отличный. Да, да. Вы не согласны?

— Я-то? Нет, почему? — ответил Никита, думая: «Поедет или не поедет?»

— Так как, Владимир Ильич? — спросил шофер. — Машину разворачивать?

Никита ждал.

— Придется, товарищ Егоров, объезжать, — сказал Ленин после паузы. — Да, да, объезжать... Настил портить никому не позволено. — И он повторил по слогам: — Ни-ко-му!

— А брод-то далеко? — спросил шофер Никиту.

— Далеко, — ответил Никита.

— Все равно объезжать, — сказал Ленин.

Ленин и шофер сели в автомобиль, поблагодарили Никиту и уехали. Никита Попов смотрел вслед удалявшемуся автомобилю.

«Да-а, — думал он. — «Настыл портить никому не позволено. Ни-ко-му!» Так не каждый может...»

И теперь уже с восхищением провожал взглядом скрывшийся за пыльной завесой автомобиль.

— Вот какую историю рассказывают в здешних местах, — заключил старый шофер. — Давно уже нет прежнего моста, построен новый. И с тех пор мост на этой реке зовут Советским.

Мы проехали по мосту, он не вздрогнул, не шелохнулся, твердо, незыблемо стоя под напором тяжелых льдин и шумной, бурливой весенней воды.

НЕ ВЫПОЛНЕННЫЙ ДОЛГ

Стоял веселый солнечный день. От широкой, поросшей буйной и высокой травой Китайгородской стены до Большого театра и магазина Мюр и Мерилиза вся площадь была заполнена народом. На зданиях висели красные полотнища, кое у кого в петличках пиджаков виднелись красные бантики, легкий ветерок шевелил кумач знамен...

Провожали добровольцев, отправлявшихся на фронт. Белополяки ворвались в Западную Белоруссию и Украину, заключили союз с Петлюрой и, перейдя в наступление, подходили к Киеву.

Собравшиеся на Театральной площади люди — в старых гимнастерках и шинелях, в обмотках, в поношенных пиджаках и рубашках, в кожанках — должны были остановить врага. Шел 1920 год, война — в разгаре, Россию терзали все, кто мог, и там, где не было войны, было тоже страшно и лихо. Тиф сводил в могилы тысячи людей, в стране царили разруха и голод.

Добровольцы отправлялись на фронт, так же как и другие отряды, наспех, в пути вооружаясь, в пути обмундировываясь, и нередко на передовую прибывали в своих зипунах, пиджаках, изношенных шинелях, сохранившихся с мировой войны.

На митинг, перед отправкой на фронт, должен был приехать Владимир Ильич Ленин. Из уст в уста передавалось его имя, и многие, стоявшие в разных концах площади, поднимались на цыпочки, чтобы посмотреть — не появился ли? Взоры их обращались к высокой доштатной, наспех сбитой между двумя театрами трибуне, на которую вела крутая лестница из свежего теса.

Но Ленина еще не было...

У трибуны стоял на тяжелом деревянном штативе киноаппарат — старый, побитый аппарат, простая коробка с тубусом объектива и ручкой. Возле кинокамеры ходил высокий человек в черном пальто, длинном и узком, — известный оператор Федотов. Он ходил, прикидывая в уме, каким планом, с какого места лучше всего снимать Владимира Ильича. Оператору было о чем подумать. Кассета его заряжена единственным и последним куском пленки, который хранился в киноотделе Моссовета как неприкосновенный фонд для чрезвычайного события. И вот это событие наступило. Кроме того, у оператора не было длиннофокусного объектива, а это значило, что снимать Ленина нужно с очень близкого расстояния, с полутора — двух метров.

Федотов представил себе Ленина, взошедшего на трибуну, отмерил от нее два метра и установил аппарат.

Едва оператор успел это сделать, как приехал Владимир Ильич и быстро поднялся на трибуну. Припав к аппарату, слыша крики и шум, прокатывавшиеся от одного конца площади до другого, оператор наводил на фокус. В кинокамере появилось ясное и четкое изображение человека, который снял кепку и в порыве наклонился вниз, к добровольцам.

— Товарищи! — громко сказал Владимир Ильич.

Федотов приник к аппарату. Он сам не заметил, как начал крутить ручку, но, кажется, начал вовремя.

— Вы знаете, — продолжал Ленин, — что польские помещики и капиталисты, подстрекаемые Антантою, навязали нам новую войну. Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор, мы польскую независимость и польскую народную республику признавали и признаем.

Ленин говорил о том, что поведение бойцов на фронте должно доказать, что они — солдаты рабоче-крестьянской республики и идут к польскому народу не как угнетатели, а как освободители.

Федотов снимал небольшими кусками наиболее выразительные, характерные жесты Ленина, в перерыве между съемками смотрел на людей, густо заполнивших площадь, и выбирал общие планы, необходимые для перебивок.

Нужен был и план с верхней точки. Оператор поднялся на несколько ступенек трибуны и осмотрел площадь от «Метрополя» до сквера с фонтаном, от трибуны до Китайгородской стены. Взоры всех были обращены к Ленину.

Когда Владимир Ильич, зажав кепку в правой руке, резко взмахнул ею и наклонился с трибуны к народу, Федотов опять завертел ручку и только теперь заметил, как немилосердно трещал его старый аппарат. Оператор подумал: вот сейчас Ленин, недовольный, повернется к нему...

Первое, что хотел сделать Федотов, — прекратить съемку. Но он знал, что это его обязанность — стоять здесь и снимать. «А то, что трещит аппарат, я не виноват: другого нет».

Потом ему пришла в голову мысль отодвинуться от трибуны подальше, тогда треск и шум не так сильно мешали бы оратору. Но в этом случае не удастся снять Ленина крупным планом — пропадет живая игра его глаз, губ.

«Нет, нельзя ни прекращать съемки, ни отодвигаться. Нужно стоять здесь. Здесь — и снимать!»

И Федотов снимал. Он закусил губу и, поддерживая старый аппарат, продолжал крутить ручку.

«Черт бы подрал эту мельницу!» — ругался он про себя, боясь встретиться глазами с Лениным. Но это случилось. Владимир Ильич взглянул в его сторону. Взглянул ли он случайно или нарочно, но оператору показалось, что с недовольным видом.

«Мешаю...»

Но и сейчас отступать от трибуны или прекращать съемку Федотов не мог. Он продолжал снимать, злосжимая ручку трещавшего аппарата.

Ленин взглянул на него еще раз. И опять, как казалось оператору, взглянул недовольно. Федотов, делая паузы, продолжал снимать. «Что я могу сделать? — подкрепляя он сам себя. — Мне ведь нужно снимать...»

Он видел, как люди, пришедшие сюда перед отправкой на фронт, получали от Ленина то, что было необходимо им. Владимир Ильич был источником мужества, стойкости, решительности. Разбить врагов Советской республики! Уничтожить их! Смести с нашей земли!

Именно эти черты — стойкость, решительность, непримиримость — хотелось запечатлеть Федотову в образе руководителя Советской республики. Они дали бы наиболее точный портрет вождя и современникам и потомкам.

И Федотов продолжал делать свое дело.

Но здесь случилось самое страшное, чего так боялся оператор: пленка кончилась. Он сделал еще несколько оборотов ручки. «Да, холостой ход, крутить легче, и пустой механизм трещит по-особенному металлически сухо... Все!»

Федотов вздохнул и, раздумывая, успокаивая себя, решил, что все-таки ему удалось выполнить свой долг: наиболее интересные моменты речи он снял. Снял как

раз те, которые ему хотелось снять; люди увидят Ленина — сурового, Ленина — решительного, Ленина — беспощадного к врагам... Вот таким, каким видели его эти добровольцы.

Вскоре Владимир Ильич кончил свое выступление, и Федотов почувствовал себя даже счастливым: уж если он что и недоснял, то совсем маленькую толику, совсем крохотную!

Под шум аплодисментов, под мощные звуки «Интернационала» Владимир Ильич спустился с трибуны и направился в сторону оператора.

«Ну, вот, — подумал, замирая, Федотов, — сейчас мне и попадет...»

Проходя мимо Федотова, Ленин посмотрел на киноаппарат и улыбнулся оператору.

Тот набрался храбрости и сказал:

— Извините, Владимир Ильич... Я вам мешал говорить... Уж очень старая камера...

Ленин остановился, выслушал, немного склонив голову набок.

— Ничего, ничего... успокойтесь, — сказал он. — Каждый должен делать свое дело...

Владимир Ильич одобрительно взглянул на Федотова и неожиданно, с озорством, разделяя слова, повторил, проходя дальше:

— Каждый должен делать свое дело!

В нескольких шагах от оператора Ленин вновь задержался. Он что-то заметил. Федотов, заинтересованный, сделал несколько шагов в сторону и увидел девочку лет трех. На ней было распахнутое пальто, стянутое с выцветшими, когда-то веселыми цветочками. Золотистые волосы ее были тщательно уложены поровну в каждую сторону. У рта девочка держала не совсем чистый кулачок. Она смотрела на людей, на всех с одинаковым вниманием. Посмотрела на военного, про-

ходившего мимо, на парня в пиджаке, шел мимо Ленин — посмотрела на Ленина.

Владимир Ильич наклонился к ней и погладил ее мягкие золотистые волосы.

Едва Федотов заметил, как Ленин подошел к девочке, хотел он броситься к аппарату, словно не веря, что в кассете нет ни одного метра пленки...

Девочка, которая, не отпуская кулачка ото рта, все время озиралась по сторонам, сейчас, когда ее погладил по голове Ленин, перевела свой взгляд на него. Увидев лицо Ленина, она доверчиво ему улыбнулась, Владимир Ильич тоже улыбнулся. Девочка тихо засмеялась, отвела ручку ото рта и, разжав кулачок, потрогала пуговицу на пиджаке Владимира Ильича. Тот снова погладил девочку по голове и, улыбнувшись, быстро пошел дальше.

— Эх! — вырвалось у Федотова, и он в негодовании даже взмахнул кулаком. — И я еще думал, что выполнил свой долг? «Грозный, решительный, суровый», — издаваясь над собой, повторял он свои слова, так недавно, казалось, полностью исчерпывавшие образ Ленина. — А где вот это? Где?

ЗА ВСЕХ НАС

Совнарком...

Степан Васюков представлял его себе другим: толпы в коридорах, суeta — куда-то спешащие мужики, рабочие, красноармейцы и матросы — и над ними густой синий дым, шум, возгласы, окрики... В общем, как на картинке «Смольный в Октябре», которая висит у него дома над столом.

А оказалось совсем не так.

В Совнаркоме было тихо, малолюдно, светло и чисто. Никто никуда не бежал, слышно было, как в одной из комнат быстро стучала пишущая машинка. Дробный стук прерывался паузами, и, казалось, тот, кто писал, думает о чем-то важном — сейчас решит вопрос и пойдет стучать дальше.

«Порядок у них...» — подумал Васюков.

Не зная, куда деть себя, он притулился у стены. Заметив на своих хромовых праздничных сапогах следы грязи, Степан подумал рассеянно, что дороги в его волости безобразны и не скоро с ними справиться; грязь же, как клей: отчищал, отчищал сапоги по приезде в Москву, вытирая у входа в здание Совнаркома — а все равно следы остались...

Постепенно подходил народ. В длинном коридоре Совета Народных Комиссаров становилось многолюдней. Несколько оправившись от смущения, Васюков стал разглядывать собравшихся — простые люди, такие же, как и он сам. Тогда Васюков с деланно независимым видом прошел твердым шагом по коридору. Председатель волисполкома, он был, как ему казалось, не последним здесь. Что ж, у него неплохие дела в волости: коперативы, кредитное товарищество в Озерках, паровая мельница в Красникове, школы работают. Есть такая, где каждую неделю спектакли ставят. Недавно, например, в том же Красникове поставили... как это... ну, где поется: «Павлик, Павлик, занимайся, даром время не теряй...» Наверное, не последний, а?

Невольно он стал пришедших сравнивать с собой. Все это уже степенные отцы семейств, в сапогах, в рубашках навыпуск... У некоторых — пояса с кистями... Всех их роднила неподдельная скромность, извечная привычка обходиться самым малым: есть в чем ходить — и слава богу! Им и в голову не приходило обращать внимание на заплатанные локти, на пуговицы разных цветов и размеров, на ветхость пиджаков.

Он здесь был, пожалуй, самым молодым и боевым и, конечно же, как ему думалось, не хуже, если уж не лучше, других.

И когда мимо Васюкова, явно не разглядев его через свои очки с дужками, перевязанными нитками, прошел Волков, член правления Муравьевского товарищества соседней волости, Степан не поклонился ему, не окликнул.

«Он первым должен».

Дома, в волости, Васюков никогда не здоровался первым, он нисходил до этого только в уезде и губерниях, и то лишь встречаясь со своими начальниками. Авторитет его как начальства, здоровайся он первым,

представлялось Васюкову, по кусочкам, по частичкам должен быть разнесен в этих рукопожатиях, вежливых наклонах головы и других знаках внимания к людям. Какой уж там авторитет, если он начнет всем кланяться направо и налево.

Нет! Так нельзя...

Больше того, вежливость казалась Васюкову до какой-то степени признаком слабости. Он видел, как вежливо здоровались учителя — хлипкий и ненадежный (черт бы побрал эту интеллигенцию!) народ. Цветков из Шиловки сколько сопротивлялся, не хотел работать на совдепскую власть. Поп, этот пережиток проклятого прошлого и классовый враг, учтиво кланяется молодым и старым. Знает, что жила слаба... А чего ему, Васюкову, кланяться каждому встречному, пожимать всем руки? Нет, он свой авторитет не уронит.

«Однако долго...»

Он посмотрел на стенные часы. К его удивлению, до начала совещания оставалось только четыре минуты. К удивлению примешалось беспокойство и волнение. Разговор предстоял о кооперации и об электрификации сельского хозяйства — как верных путях в коммунизм. Он мог здесь кое-что рассказать о делах в своей волости, и рассказать с гордостью.

Васюков снова посмотрел на часы — осталось еще три минуты — и подумал, что, быть может, стоит у себя, в волостном совете, ковры постелить. Все равно в амбаре гниют. Как конфисковали у помещиков, бросили в амбар, так и лежат. Веяло чем-то классово враждебным от этих ковров с замками и оленями, с цветами и полуоголыми женщинами. Васюков никогда и не вспоминал о коврах. А вот, оказывается, могут пригодиться. Решив с коврами, он подумал, что нужно будет Поле — уборщице — выдать аршин полотна на фартук, а то ходит в черном, с щитом из какой-то старой юбки...

Вдруг говор и шум стихли, послышалось легкое поскрипывание штиблет и голос, мягко выговаривающий букву «р». Степан Васюков быстро обернулся и в двух — трех шагах от себя увидел Ленина. Продолжая разговор, он шел с высоким, горбившимся человеком в очках, в коротком пальто, видно — посетителем, которого он провожал из своего кабинета.

Васюков остановился, вслушиваясь.

Ленин представлялся ему немножко выше, ну а вообще — такой, как на портретах... все правильно!

Вождь мирового пролетариата, сам Ленин, прошел мимо него, Васюкова, и пола черного пиджака Ленина коснулась Васюкова. Вот Ленин — рядом, обычный, такой, как все!

А Владимир Ильич взглянул на часы и, взмахнув рукой, что-то решил и сказал:

— До свидания. Заходите, Василий Николаевич. Заходите, но помните, — Ленин повысил голос и, разделяя слова, продолжал: — Без полного признания Северцевым своих ошибок у нас с вами ничего не выйдет. Вопрос государственный, и половинчатости здесь быть не может. — Ленин протянул руку своему спутнику и, крепко пожав, словно подтверждая свое решение, повернулся и пошел назад.

Неожиданно увидев кого-то, он свернул в сторону.

— А-а, это вы, товарищ Волков, — весело сказал Владимир Ильич, протягивая руку члену правления Муравьевского товарищества. — Заходите, пожалуйста, заходите, сейчас мы вас будем ругать. Бойтесь, батенька?

Говоря так, Ленин — Степан это видел ясно — первый протянул руку Волкову. Кому? Члену правления. Кто? Ленин. Он крепко жал ее, пока не кончил говорить и не обратился ко всем:

— Заходите, товарищи.

Владимир Ильич быстро прошел вперед по коридору, распахнул дверь кабинета, обитую kleenкой, и пригласил:

— Раçполагайтесь.

В кабинете с видом на Кремль все было по-деловому просто и удобно, очень скромно. Строгий порядок в нем настораживал, заставлял подтягиваться. Простота обстановки роднила с тем, кто здесь работал, но что-то неуловимое говорило о его величии.

Степан Васюков сел неподалеку от рабочего стола Ленина в глубокое черное кресло. Он был немного растерян: Ленин сам провожал своих посетителей из кабинета, первым протягивал руку знакомым, даже если они всего-навсего — члены правления товарищества.

Владимир Ильич, спросив у каждого имя и фамилию, называл теперь их, неизменно прибавляя:

— Ну, а что вы нам скажете?

Совещание он вел энергично, направляя внимание выступавших от одного существенного вопроса к другому. Так ведут людей вброд по бурной реке — от камешка к камешку — на тот берег, к цели.

— Мы пустили мельницу, которая обслуживает пять сел, — сообщал выступавший.

— Хорошо! — отмечал Ленин и спрашивал: — Что говорят крестьяне соседних деревень?

— Завидуют, Владимир Ильич. Хотят тоже строить.

— Хотят? Вы пустили мельницу, объединившись в кооператив. А у соседей он есть?

— Нет, Владимир Ильич.

— Как же без кооператива они будут ее строить? Пойдут на поклон к кулакам? Понимают ли они смысл и силу кооперации? Есть ли у них люди, которые смогут ее создать?

И выступавший, который еще минуту назад считал, что эти дела его не касаются, мало того — гордился тем,

что у него лучше, чем у соседей, вдруг чувствовал себя ответственным за всех и начинал как мог подробно излагать свои соображения о создании кооперации в соседних селах.

И хотя Ленин не всегда говорил приятное, даже более того — кое-кого распекал за нерадивость и неповоротливость, Степан не видел человека среди пятнадцати — двадцати присутствующих, который был бы не согласен с Лениным. Всем было очевидно, что он прав и что иначе нельзя.

Разговор перешел к строительству электростанций, добыче торфа. Владимир Ильич с увлечением рассказывал о новом гидравлическом способе, разработанном инженером Классоном.

— Интересно, — прервав рассказ, обратился Ленин к слушателям, — кто из вас видел кинокартину об этом?

Все молчали.

— Есть специальная кинокартина о гидравлическом способе добычи торфа, — разъяснял Ленин, надеясь, что, быть может, кто-нибудь все-таки видел ее.

Нет, о такой кинокартине даже не слыхали.

— Гм, гм, — недовольно произнес Ленин и, стукнув карандашом по столу, что-то отметил у себя в блокноте.

Он порывисто, с силой вздохнул и спросил:

— Вы хотели, товарищ Васюков?

Степан, который в эту минуту думал о себе, о своей работе, не ожидал вопроса.

— Да... Я...

— Пожалуйста, товарищ Васюков, — Владимир Ильич приготовился внимательно слушать председателя волисполкома и чуть подался в его сторону.

Степан встал. Ему, вдохновленному близостью к Ленину, хотелось сказать что-то необычное, такое, чтобы все здесь присутствующие, и прежде всего сам Владимир

Ильич, увидели бы в нем борца за общее дело, человека, готового отдать за революцию жизнь. Васюков был уверен, что все выступавшие до него говорили хотя и дельно, но как-то буднично, мелко, без масштаба, и он хотел за всех восполнить этот досадный промах, чтобы Ленин имел правильное представление о собравшихся здесь товарищах с мест.

Пока Степан, собираясь с мыслями, расправлял под ремнем рубашку, Владимир Ильич спросил:

— Устали, товарищи? Скоро кончим. Пожалуйста, — обратился он к Васюкову.

— Товарищи! — громко произнес Васюков, словно выступал с трибуны у себя на митинге перед односельчанами. — Теперь, когда близка победа мировой революции, товарищи, мы должны...

Ленин, внимательно смотревший на Васюкова, словно чего-то ожидая от него, опустил голову. Неудовольствие и усталость простили на его желтоватом лице, покрытом редкими коричневатыми крапинками.

У Васюкова, от которого не ускользнула перемена во Владимире Ильиче, что-то сильно сжалось внутри: не оправдал доверия, обманул ожидания Ленина! Степан чувствовал, что говорит не так, но он не мог иначе. Все, что он, бывший пастушонок и солдат, приобрел и чему научился, занимая свой высокий пост, толкало его к этим избитым словам, к манере громко говорить обо всем известном. Он решил поскорее перейти к рассказу о конкретных делах, до боли в душе жалея, что ему так и не удалось и теперь уже не удастся сказать Ленину о том великом и необыкновенном, чему он был предан.

— Болотный торф, который спокон веков окружает наше село, скоро будет гореть в топках машин... — продолжал Васюков уже более тихо. — Свет рассеет вековой мрак, и тогда всем будет видать нашу новую жизнь на основе культуры и коммунизма.

— Кстати, о культуре и коммунизме, — заметил Ленин. — Простите, товарищ Васюков. Насколько я вас понял, вы хлопочете о том, чтобы электрический свет залил наши деревни и села?

— Да, товарищ Ленин! — с готовностью и горячо подтвердил Васюков. — А в дальнейшем — и в мировом масштабе, товарищ Ленин!

— И даже в мировом масштабе! — повторил Ленин. — Отлично.

— Мы создадим новую жизнь, которой еще никогда не было в мире и которую переймут у нас пролетарии всех стран.

— «Новая жизнь...» — более глухо повторил Ленин, — «переймут пролетарии...» Отлично! А скажите, пожалуйста, товарищ Васюков, это не в вашей волости пытались разграбить картинную галерею в особняке Мурашевых?

— Картишки-то? — живо откликнулся Васюков. — У нас, товарищ Ленин.

— И, наверное, не без вашего прямого содействия, товарищ Васюков?

— Да ведь на картинках, товарищ Ленин, генералы да графья во всем своем обмундировании, голые, извиваясь, девчата в самом нахальном виде... Учитель ко мне сунулся было с защитой: какие-то, говорит, краски в них, но я ему сбить себя не дал: прошлому конец! Все взорвем, все...

Неожиданно Ленин встал.

— Что вы собираетесь освещать электричеством, товарищ Васюков? — жестко спросил он. — Свое варварство, как истребляете художественные ценности народа? Или как мы строим новую жизнь?

Васюкова все это как-то оглушило, хотя он не был робким и не терялся в трудные минуты жизни. Он посмотрел на собравшихся, на Волкова. Тот, слушая своего соседа по волости, делал вид, что рассматривает пол.

— Товарищ Ленин... Я же добра хочу... — растерянно проговорил Васюков.

— Знаю! — твердо сказал Ленин. — Иначе нам бы с вами незачем было встречаться, товарищ Васюков. Но культура России досоциалистической — тоже добро. Да еще какой ценности! Портреты генералов и графов, голые, как вы говорите, женщины — работа Репина и Маковского, Брюллова и Грёза! Вот в чем дело? Бейте генералов, но сохраните народу Репина! — помолчав, Владимир Ильич закончил более спокойно: — Извините, что прервал, товарищ Васюков. Продолжайте, пожалуйста.

Васюков никак не мог прийти в себя, чтобы хоть что-нибудь сказать, и смотрел то на Волкова, то на других, то на Ленина.

Наконец он откашлялся с каким-то усердием и продолжал рассказывать о людях и делах своей волости. Владимир Ильич на протяжении всего дальнейшего выступления Васюкова бросил ему только одну реплику:

— Хорошие у вас работники, товарищ Васюков. Очень инициативные и толковые. Учитесь у них.

Вскоре, как и обещал Ленин, совещание закончилось... Товарищи с мест расходились. Васюков в коридоре обращался то к одному знакомому, то к другому, ища у них сочувствия и поддержки.

— Товарищи, братцы, — говорил он, — ведь я же всей душой...

— Подумал бы, что городишь, — мягко заметил ему Волков.

— Так ведь я... — пробовал оправдаться Васюков. — Я тоже за мировую революцию!

— «Я... я...» — повторил Волков. — Отличился грибовский председатель!

— Никита Иванович! — взмолился Васюков. — Сенченков! Да поймите же вы меня!..

От разговора с Васюковым у Ленина осталось не приятное, тревожное чувство. «Понимает ли этот Васюков, что мы строим, за что боремся?»

Несколько мгновений Владимир Ильич, нахмурив брови, озабоченно смотрел вперед и не мог приняться за очередные дела, краткий перечень которых лежал перед ним. «Много ли в деревнях таких, как Васюков? Как им помочь? Какой урон несет ломка старого мира культурным ценностям, разбросанным по всей стране, по самым глухим ее местам? Что можно сегодня же сделать для их спасения?» Лицо Ленина как будто вдруг похудело, осунулось, стало длиннее.

Наконец он посмотрел на заметки о неотложных делах и взял ручку.

Сколько их было! В конце прошлого года с трибуны VIII Всероссийского съезда Советов был провозглашен план восстановления и преобразования народного хозяйства новой России... Теперь этим нужно было заниматься каждый день, каждый час. Троцкисты все еще пытались проводить политику огосударствления и «перетряхивания» профсоюзов... По троцкистам нужно ударить со всей силой, разоблачить, оставив их «голыми», чтобы каждый видел их существо, знал подлинную цену им и их лозунгам... Весной разразился продовольственный, топливный, транспортный кризис... Тогда же — кронштадтский мятеж, новая попытка контрреволюции свергнуть Советскую власть... Надо было быть все время начеку... Вводился нэп, колебавшиеся опять заколебались...

Минут через десять — пятнадцать, едва Владимир Ильич успел написать несколько важных и срочных записок, ответить на звонки и кое-куда позвонить, как вошел Анатолий Васильевич Луначарский.

Протянув Ленину мягкую и приятно теплую руку, Анатолий Васильевич, которого Владимир Ильич как-то упрекнул за опоздание, сказал с улыбкой:

— Вижу — заняты, но являюсь к вам в назначенное время.

У Луначарского веселым был не только голос, не только весь он сам, но, казалось, даже блеск его пенсне.

Владимир Ильич любил в Луначарском эту неистребимую веселость, любил даже долю беззаботности; в беззаботности ему, Ленину, было начисто отказано.

— Представьте себе, — ответил Владимир Ильич, дописывая записку, — что лучше помешать, явившись во время, чем заставлять себя ждать, как прошлый раз, высокочтимый Анатолий Васильевич! Этим меня вы не проймете! — и Ленин тоже улыбнулся. — Садитесь, пожалуйста.

Луначарский сделал движение длинными пальцами и опустился в черное кожаное кресло слева от Ленина.

— Коротко о своих делах, — попросил Ленин.

— Книги для деревни будут, Владимир Ильич, — сказал Луначарский. — Рад вам об этом сообщить.

— А я рад слышать, — с иронией подхватил Ленин. — Наконец-то! Доставьте мне на просмотр лучшие, на ваш взгляд, издания.

— Непременно, Владимир Ильич, — Луначарский сделал паузу и сказал печально: — Художник Вершков и скульптор Аникин просят дать визу на отъезд в Америку.

— Так! — недовольно воскликнул Ленин. — В Советской России, конечно, свободно творить нельзя, — продолжал он, копируя кого-то с издевкой, — революция давляет личность художника, и прочее, и прочее... Пусть едут, — сказал он неожиданно.

— Мы так мало пресекаем, мы терпим «бубновых валетов», разных язычников и изуверов от искусства...

— Вы сами их частенько защищаете, батенька мой, Анатолий Васильевич! — строго перебил Ленин. — Сами!

— Не всех левых защищаю, и не все левое, Владимир Ильич! — запротестовал Луначарский.

— Ну, ну! — примирительно сказал Владимир Ильич. — Допустим... Далее!

— Мы мало пресекаем, многое терпим, — продолжал Луначарский, — и все же, когда во имя революции что-то запрещаем — нас хватают за руки: где же свобода?

— Пусть едут, — повторил Ленин, — а мы будем продолжать свое.

— Бессспорно, Владимир Ильич, принцип *laissez faire, laissez passer* *, конечно же, не может быть провозглашен нашим политическим лозунгом.

И Луначарский, свободно опервшись о спинку кресла, засунул большой палец руки под жилет.

— Нужно, необходимо дать положительную программу! Вот в чем суть! «Как только кляп будет вынут изо рта пролетариата, мы немедленно всунем его в рот капиталистов».

— Это кто? — спросил Ленин.

— Бланки... Идеологии буржуа, их культуре мы положим конец, но что будем говорить сами? Что утверждать?

— Совершенно верно! — воскликнул Владимир Ильич. — По представлению некоторых, мы просто нигилисты, да еще с топором в руках! — и, вспомнив недавнее выступление Васюкова, он с ожесточением произнес: — Нужно дать программу! И как можно скорее. Это самое трудное, архитяжелое!

— Нас часто спрашивают: «Что такое наше искусство? Нечто совсем новое, выросшее как трава на пепе-

---

* Пусть идет само по себе (*франц.*).

лише и на развалинах, или у него есть связи с искусством прошлого? Какие? В чем тогда его принципиальное отличие от искусств всех предыдущих эпох?» Десятки других вопросов!

— Ну? — прищурив глаз, спросил Владимир Ильич. — А вы вместо того, чтобы написать популярную брошюру и ответить на эти вопросы, издаете сборником старые статьи?

— Что делать, Владимир Ильич? Брошюра — это две — три недели. А где их взять?

— Да... — тихо произнес Ленин. — Великий фактор времени... Из часа двух не сделаешь.

Несколько секунд Владимир Ильич молчал, раздумывая.

— Да, великий фактор времени, — повторил он и, показалось, с ноткой печали. — Продолжайте, Анатолий Васильевич.

— Владимир Ильич, а что вы думали сейчас о времени? — несмотря на то, что беседа и так затягивалась, Луначарский все же решил не упустить случая поговорить с Лениным об этой философской и житейской категории.

— Время? — повторил Владимир Ильич, повернув голову к Луначарскому.

Тот, не отрывая взгляда от Ленина, ждал. Близорукие, с узкими щелками глаза его пытливо, напряженно смотрели в лицо собеседника, который сейчас скажет так кратко и так много.

В эту минуту и вошел секретарь.

— Владимир Ильич, — сказал он, — ничего не могу поделать: товарищ Васюков просит вас принять его на три минуты. Уже два раза подходил ко мне, говорит, что без этого не может уехать...

— Васюков? — повторил Ленин и недовольно кашлянул: — Гм... гм...

— Говорят, что его не так поняли, — продолжал секретарь. — Он тоже за мировую революцию, и ему обидно...

— Обидно? — Ленин быстро повернулся к Луначарскому, живо сказал: — Да, товарищ Васюков за революцию и коммунизм, но картинную галерею хотел отдать на разгром. А там — Репин, Маковский, Брюллов! Все, говорит, на слом! Хорош гусь? Да еще утверждает, что это и есть коммунизм и пример для мирового пролетариата! А?

— Вы его отчитали — и дело с концом! — решительно проговорил Луначарский, сверкнув стеклами пенсне. — Вы не можете всех принимать дважды! И так у вас бесконечно отнимают время всякими мелочами, просьбами, нестоящими вопросами! Обидно до невозможности!

— Значит — не принимать? — спросил Ленин.

— Конечно же! Бестолковщина, нерадивость, да и бесцеремонность некоторых крадут у вас время, за которое можно сделать так много. А вы иногда потакаете им.

— Ага! — воскликнул Ленин. — Выговариваете мне, Анатолий Васильевич?

— Как видите, Владимир Ильич. Нельзя быть равнодушным к расхищению ваших сил и возможностей.

Да, это было так. Сколько раз Владимиру Ильичу приходилось растрачивать силы и время, казалось бы, на сущие пустяки, мелочные раздоры, ведомственные дрязги. А бестолковщина, когда простое дело превращали в проблему? А нерадивость, когда приходилось о выполнении указаний напоминать дважды, трижды, четырежды, а дело, тем не менее, не двигалось с места? А вопросы, которые могли быть решены на местах — в уездах, губерниях, — и почему-то все-таки не решались?

Но нельзя было отмахнуться от этих дел, не разобравшись: за частным и, казалось бы на первый взгляд, мелким иногда стояло общественное и большое. И главное — а что если действительно человека зря обидели? Кто может и должен помочь ему? Пусть это будет в одном случае из ста — все равно, разве можно вот так отмахнуться от всех мелких дел, бесконечных в своем потоке?

Кроме того, каждый человек, входивший в кабинет, за чем бы он ни шел, приносил сюда живое дыхание жизни, так или иначе теснее связывал его, Председателя Совета Народных Комиссаров, с миллионами граждан новой России...

— Передайте товарищу Васюкову, что я его приму,— сказал Ленин секретарю. — Примерно через полчаса. Извинитесь, что не могу назначить точное время, объясните, что приму в просвете между делами.

Секретарь ушел, кивнув головой, а Луначарский встал в нетерпении.

— Ах, Владимир Ильич, Владимир Ильич, — заговорил он с беспокойством, шагая по кабинету. — Не бережете вы себя. Вы — наше общее достояние, и не имеете права так расточать свои силы.

— Неверно! — резко бросил Ленин. — Все неверно! Ерунда! Да-с! Не расточаю силы, а, надеюсь, трачу с пользой. — Он помолчал и продолжал: — Мы строим новое общество из того материала, какой достался нам от прежнего. Не все чистенькие, не все умненькие! С вами одним, с Чичериным и Красиным коммунизма не построишь! Да, да! А Васюков это... Сотни за ним, таких, как он! И их нужно завоевывать! Учить! Каждого каждый день. Иначе мы не победим!

Луначарский поднял руки: сдаюсь, сдаюсь...

— Но, — возразил он тут же, — мне горько, что вам приходится тратить время так неразумно. — И Луначар-

ский подумал, что вот, например, из-за этого Васюкова не удалось пофилософствовать с Лениным на такую интересную тему, как время.

— Да... — сказал Ленин печально. — Неразумно... А вы, выходит, — продолжал он другим тоном, — вы, Анатолий Васильевич Луначарский, нарком и писатель, передовой, мыслящий человек, меня лелеете и бережете?

Владимир Ильич вдруг повернул голову в сторону Луначарского и сказал весело, сверкая озорными глазами с лукавинкой:

— Анатолий Васильевич, батенька мой, а когда, скажите на милость, я вам направил письмо с заданием для ВФКО?

— Это о чём, Владимир Ильич? — спросил Луначарский, чувствуя какой-то подвох и стараясь вспомнить об этом письме.

— Не хотелось мне сегодня заниматься нравоучениями, но уж, извините, сами виноваты! — произнес Ленин, что-то отыскивая в своих бумагах. — Так когда, Анатолий Васильевич? Не помните? Хорошо! — воскликнул Владимир Ильич. — Отлично! — Он наконец нашел нужный ему листок. — Я просил широко поставить пропаганду гидравлического способа добычи торфа через кино. И особенно в Петрограде, Иваново-Вознесенске и других местах торфодобывания. На торфе стоим, а жжем уголь!

— А-а... Да, да! — вспомнил Луначарский.

— Так! Когда же это было? — Ленин заглянул в бумагку, сказал: — Двадцать седьмого дня октября месяца тысяча девятьсот двадцатого года от рождения Христова. И что же? — Владимир Ильич резко повернулся к Анатолию Васильевичу.

— Мы, кажется, затянули это дело, Владимир Ильич... — виновато сказал Луначарский.

— «Затянули!» — с ударением повторил Ленин. — Проходит три месяца. В январе двадцать первого года я прошу о том же: о пропаганде гидравлического способа добычи торфа. И что же?

Владимир Ильич весь подался к Луначарскому.

— Да, Владимир Ильич, моя вина...

— «Моя вина!» Отлично! Проходит еще три месяца, в апреле я прошу вас о том же. Я ничего не преувеличил?

— Нет, Владимир Ильич...

— Не переврал?

— Нет...

— Ну, а как сейчас с этим делом, дорогой нарком?

— Плохо, Владимир Ильич.

— Так...

Ленин помолчал и спросил:

— Ну, милейший Анатолий Васильевич, что вы скажете теперь?

— Черт знает что! — громко произнес Луначарский, махнув рукой. Он был великолепен в признании себя побежденным. Бархатным, полным очарования голосом Анатолий Васильевич ругал себя: — Просто стыдно! Я проваливаюсь сквозь землю! В тартарары! Я даже не могу извиниться перед вами и просить прощения. Стыд! Позор!

Владимир Ильич, что-то помечая у себя в бумагах, наблюдал за Луначарским.

— Так должен я с вами работать или не должен? — спросил Ленин, занимаясь своим делом. — Должен, батенька мой, должен тратить время даже на вас, философа и наркома!

Владимир Ильич поднял голову и внимательно посмотрел на Луначарского: ну что он там? как?

Смузенный, Анатолий Васильевич стоял у книжного шкафа не лицом и не спиной к Ленину, а как-то боком,

полуотвернувшись от него, и барабанил пальцами по стеклу, не смея взглянуть на Владимира Ильича.

— Но раз я должен с вами работать, — продолжал Ленин полусерьезно-полушутливо, — то я вас и накажу примерно. Вот стойте так и мучайтесь. Пусть вас грызет ваша собственная совесть. — И Ленин подчеркнуто демонстративно быстрым движением раскрыл словарь Брокгауза и, найдя там нужное слово, стал что-то писать.

Луначарский стоял по-прежнему.

И когда Ленин решил продолжить с ним разговор о делах Наркомпроса и тем самым как бы дать понять, что инцидент исчерпан, вспыхнула лампочка: кто-то звонил по телефону. Некстати! Владимир Ильич снял трубку.

— Слушаю... Да... — сказал он. — Здравствуйте...

Потом Ленин долго слушал и наконец спросил:

— Что делать? А как вы сами полагаете, что нужно делать? Не знаете? Ага! Вы над этим думали полгода и ничего не решили, а мне предлагаете дать ответ сию минуту? Нет, товарищ Смолянский! Расскажете все лично и подробно, и, может быть, только после этого я смогу вам что-нибудь посоветовать. До свидания.

Ленин положил трубку и сказал сердито:

— Рецептов требуют! Все еще думают, что они есть на все случаи жизни! — и, повернувшись в сторону Луначарского, воскликнул: — Анатолий Васильевич!

Подойдя к нему и дружески улыбаясь, Ленин дотронулся до плеча Анатолия Васильевича. Тот повернулся, лицо его было совершенно преображенено.

— Вы знаете, Владимир Ильич, о чем я сию минуту думал? — спросил Луначарский тоном, который предвещал нечто необычайное.

— Догадываюсь, Анатолий Васильевич, — улыбнувшись, ответил Ленин, уверенный, что Луначарский про-

должал казнить самого себя или думать о делах, за которые получил нагоняй.

— Это же — конфликт! — провозгласил Луначарский. — Конфликт нашего времени! — и вдруг, озаренный вдохновением и какой-то мыслью, чрезвычайно радовавшей его, живо и горячо, с упоением воскликнул: — Советский человек, осознающий долг больше, глубже всех, и люди, которых он подтягивает до своего уровня! Это тема для большой, интересной и оригинальной драмы! Обязательно напишу! Новая тема! Драма и счастье идущего впереди. Великолепная вещь! Построена на совершенно новых, принципиально новых положениях! Пять актов, действие происходит в Москве!

Владимир Ильич, который вначале немного даже оторопел, вдруг громко и заразительно рассмеялся, откинувшись назад и заложив большие пальцы рук за проймы жилета, словно стремясь выскочить, освободиться от пут, тесноты пиджака.

— Ну и Анатолий Васильевич! — сказал он, все еще продолжая смеяться. — Значит, конфликт? Даже успели обдумать драму? «Пять актов... Действие в Москве...» А я-то!.. Я-то!.. — Ленин продолжал смеяться уже над самим собой. — Нет, художник в вас превыше всего! Пишите, Анатолий Васильевич, пишите свою драму обязательно! — уже совершенно серьезно сказал Ленин.

Тронутый пониманием, Луначарский благодарно взглянул на Владимира Ильича, на окна, на стол, заваленный бумагами и книгами, за которым с утра до поздней ночи работал Ленин, и подумал: «Писать в свое удовольствие? А вы будете трудиться для всех? У каждого есть страсти и отдушина от забот. Только у вас страсть и отдушина — сами дела. Мы делим время и силы между делом и чем-то еще, вы ничего не делите, вы весь в одном... «Писать драму...»

Анатолий Васильевич чуть заметно грустно улыбнулся, зная, что все-таки он будет ее писать. Будет...

Закончив разговор с Луначарским, Владимир Ильич нашел листок с кратким перечнем дел на сегодня... Да, рабочий день уже подходит к концу, а два серьезных дела так и остались на бумаге: пришлось дольше, чем можно было, объясняться с Луначарским, а сейчас необходимо еще раз поговорить с Васюковым...

Луначарский и Васюков... Это разные люди, но в меру своих сил они делают одно общее дело. И чем больше таких, тем крепче Советская власть. Да, рабочий день на исходе... Этими двумя делами придется заняться ночью, после заседания Совнаркома и работы над статьей... Часа, так, в два... Все, что задумано — от малого до великого, — должно быть сделано.

Ленин отложил в сторону листок и, вызвав секретаря, попросил пригласить товарища Васюкова, председателя Грибовского волисполкома: нужно было идти вперед.

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

Ленин стоял у окна, заложив руки глубоко в карманы брюк. В кабинете с двумя окнами и высоким сводчатым потолком было холодно и сыро. Последние недели зимы выдались студеными, жестокими.

Владимиру Ильичу виден был Арсенал, изрешеченный осколками снарядов; Троицкая башня с огромным, четко вырисовывающимся на сером небе орлом, отсюда казавшаяся менее высокой, чем со стороны Манежа; кусочек Кремлевской стены и здание казарм. На площади, где осел булыжник, образовав ямы, вдоль Арсенала тянулся к Никольской башне ряд тоненьких фонарей, похожих на былинки, загнутые вверху крючочком.

На дорогах к Троицкой башне и к Арсеналу, на широкой площади с фонарями снег был потоптан и замусорен. Только на крышах и на Кремлевской стене он лежал ровно, нетронутый и чистый.

За Кремлем стыли скованные морозом каменные дома. Вон там, за музеем и библиотекой Румянцева, еле виднеются трубы. Но сколько ни смотри, не заметишь дымка: нечем топить.

Зима обложила Москву кольцом холода. К врагам, навалившимся на обескровленную, истерзанную в граж-

данской войне страну, — голоду, разрухе — прибавился еще один: холод. Свиредствует тиф.

Ленин вздохнул. Потом он неожиданно резким движением вынул правую руку из кармана и сел за стол.

Простая, похожая на ученическую ручка, не дописывая и сокращая слова, быстро забегала по листу бумаги, оставляя неразборчивые фразы. Мысли обгоняли друг друга, и он стремительно записывал: проверить, обеспечены ли детские дома дровами. Нет — обеспечить... Увеличить паек сахара и сахарина рабочим металлургической промышленности... Сергеев переутомлен — безотлагательно отправить в отпуск... С отчетностью — из рук вон плохо... С декретом ознакомить товарищей и утвердить... Каменеву — записку... Заграница, которая предлагает свои услуги... Справимся сами или нет?..

Перо на мгновение остановилось.

Тихо открылась обитая белой клеенкой дверь, ведущая в зал заседаний, и в ней показался секретарь.

— Владимир Ильич, — тихо позвал он.

Но Ленин не ответил.

— Владимир Ильич!..

Ленин поднял голову, сказал:

— Да, да, — и взял другой листик бумаги — для записи.

— Владимир Ильич, к вам товарищ Коршунов.

— Хорошо, — сказал Ленин.

Секретарь ушел, неслышно прикрыв за собою дверь, а Владимир Ильич продолжал писать, торопясь закончить записку Сергею Сергеевичу Каменеву. Ленин знал, что за время, пока секретарь пройдет зал заседаний, войдет в приемную, скажет посетителю: «Владimir Ильич просит вас», пока посетитель встанет, поправит прическу или что-нибудь в своей одежде, пройдет зал заседаний, — за это время, какую-нибудь минуту — полторы, можно прочесть письмо, пробежать глазами за-

метку в газете, написать, наконец, записку. Можно сделать много, очень много полезного и необходимого. Владимир Ильич писал, но едва в дверях показалась худая невысокая фигура ученого, старого знакомого, немного смущенного и, видно, застенчивого, Ленин встал из-за стола и направился навстречу посетителю.

— Проходите, Леонид Алексеевич, проходите. — Владимир Ильич указал на одно из мягких кресел. — Садитесь, пожалуйста...

Леонид Алексеевич Коршунов как-то неловко, быстро прошел к креслу и спрятал ноги под стол, перепендикулярно придинутый к рабочему столу Ленина. Сделал Коршунов это так поспешно, что сам почувствовал неловкость и слегка смутился. Но, взглянув на Ленина, севшего в свое плетеное кресло, успокоился и только тогда повернулся к нему.

— Как здоровье, Леонид Алексеевич? — спросил Ленин. — Не жалуетесь?

— Спасибо, Владимир Ильич. Не жалуюсь.

— Хорошо. Трудное время, Леонид Алексеевич, и нам нужно его перебороть.

Когда Ленин умолк, Коршунов начал:

— Я относительно возможной экспедиции в Сибирь, Владимир Ильич. Вы, конечно, знаете, что 30 июня 1908 года произошло чрезвычайно интересное для научного мира событие. Явление довольно редкое, необычайное по своим масштабам и, быть может, значению. В сибирской тайге упал метеорит. — Здесь Коршунов взглянул на Ленина и отметил, что Владимир Ильич внимательно смотрит на него.

Коршунову показалось, что Ленин прекрасно знает о метеорите, знает мысли и желания ученого и что своим докладом он только отнимает время у занятого человека. Коршунов запнулся...

— Этот метеорит... Впрочем, вы все это знаете...

— Зря вы так думаете, Леонид Алексеевич, — заметил Ленин. — Больше того, что где-то упал метеорит, я ничего не знал. Да, да...

Склонив голову набок, он подался к ученому и тихо произнес улыбаясь:

— Даже года не помнил.

Коршунов тоже улыбнулся.

— Странное дело! — продолжал Ленин уже серьезно. — Многие почему-то считают, что Председатель Совнаркома, наркомы все знают! Вредная чушь! А мы мало, очень мало, позорно мало знаем! И чем больше мы с вами будем встречаться, тем лучше! Продолжайте, Леонид Алексеевич. И не торопитесь.

Коршунов, ободренный и повеселевший, продолжал, излагая заранее продуманные мысли, которые он давно хотел поведать Ленину:

— Если учесть, что самым крупным метеоритом считается метеорит весом в тридцать шесть с половиной тонн, за которым идет так называемый мексиканский в двадцать семь тонн, то наш сибирский метеорит лично мне представляется гигантом по сравнению с известными нам метеоритами. Но вся беда в том, что до сих пор точное местонахождение этого метеорита не определено.

— И вы хотите ехать за метеоритом? — спросил Владимир Ильич, когда Коршунов сделал паузу.

— Да, — ответил тот. — Совершенно верно. Хочу ехать за метеоритом. — И поспешил добавить: — Я понимаю, что сейчас не до них... Я буду просить совсем немного. Обидно, когда за границей создаются общества по изучению нашего русского метеорита, а мы...

— Нет, нет, нет, — быстро произнес Ленин. — Заграница здесь ни к чему. Пусть и не мечтают. Что нужно для вашей экспедиции?

— Я заготовил. — Коршунов из внутреннего кармана

ниджака достал вдвое сложенные листы бумаги. — Я старался скромно, Владимир Ильич...

Ленин стал рассматривать список, и, чем больше он в него всматривался, тем больше хмурился. Коршунову показалось, что печаль, которую ни разу не замечал он у Ленина, сейчас ясно простила на его лице. Потом Владимир Ильич положил эти листы на стол, провел по ним левой рукой, разглаживая, и обратил к ученому свое сурое и все еще, как казалось тому, печальное лицо.

Коршунов медленно поднял глаза на Ленина и неуверенно произнес:

— Хотя... можно еще сократить список. Хлеба меньше... Да и с приборами... Теодолит можно один сбросить, кроме того...

Ленин смотрел мимо ученого, в угол кабинета, казалось, не слушал и уже не замечал его присутствия.

— Теодолит сбросить, — повторил он, переводя взгляд на Коршунова, резко отодвинул свое плетеное кресло и, как бы в недовольстве и удивлении ударив пальцами по бумаге, вышел из-за стола.

Стараясь не смотреть на Коршунова, он засунул руки в карманы брюк и, бросая взгляды в окно, зашагал по кабинету.

— Там же тайга, — заговорил Ленин резко и твердо, словно стараясь помочь ученому уяснить положение вещей. — Тысячи верст непролазной и путаной тайги. Бурные реки. Зверье. Бездорожье. И ни души на сотни верст... Вы понимаете это?

Он остановился.

— Вы все это понимаете, — сказал Владимир Ильич более мягко и, снова посмотрев на список, продолжал: — «Фунт хлеба в день, пять фунтов сахара на всех, табаку...» — читал он, и в голосе его слышались то суро-

вость, то недовольство, то удивление, то вдруг покрывавшая все это печаль.

— Сахар можно сбросить, а табак, извините, необходим: от комаров спасает, — строго заметил ученый.

Точно не слыша, Владимир Ильич продолжал:

— «Меха для футляров под инструменты». Под инструменты! — повторил он.

Коршунов поднялся, и стекла очков его, в которых отразились окна, засверкали. Была в нем решимость человека, идущего на последнее средство.

— Владимир Ильич! — громко и твердо сказал он. — Товарищ Ленин! Нужно ехать! Нужно!

И сел, вернее, повалился в кресло.

— Ах ты боже мой! — воскликнул Ленин и подошел к ученому. — Конечно, нужно, необыкновенный человек, Леонид Алексеевич. То, что вы просите, мы дадим. Но этого же мало! Разве с таким оснащением едут в Сибирь?!. Его может хватить для экспедиции в Подмосковье! Это же крохи! Обидно, обидно! — повторил Ленин, и Коршунов понял, почему больно было Владимиру Ильичу. — Обидно, что таким людям, как вы, мы не можем еще дать всего необходимого, всего, что они заслуживают! Но ничего! Дайте нам только срок!

— А-а... — растерянно произнес Коршунов, глядя на Ленина. Хотел сказать что-то еще, но лишь облегченно вздохнул и провел рукой по лбу, где выступил пот.

Ленин подошел к ученому, участливо спросил:

— Леонид Алексеевич, а если мы дадим только то, что написано здесь, вот в этом архиробком списке? — указал он рукой на бумаги Коршунова. — Поедете?

— Владимир Ильич, я и не мечтаю о большем! Вот склынет снег, подготовимся и поедем. И, ей-богу, больше ничего не надо. Ведь у вас и так все просят, все с вас тянут... А откуда брат?

— Поедете? — переспросил Ленин.

— Да, поеду.
— И больше ничего не попросите?
— Нет, ничего.
— Ничего, Леонид Алексеевич? — допытывался
Ленин.
— Да.

Ленин недовольно кашлянул. Потом он взглянул куда-то вниз, под стол, и лукавая улыбка заиграла на его лице.

— А нуте-с, батенька, — сказал он весело, по-дружески улыбаясь, — подойдите к этому окну, Леонид Алексеевич.

— Зачем, Владимир Ильич?

— Я вас прошу, Леонид Алексеевич. Подойдите к этому окну! Сделайте мне, батенька, одолжение. — И Ленин добавил, озорно погрозив пальцем: — Знаю я вас!

— Нет, Владимир Ильич. Если вы согласны, я, пожалуй, не буду отнимать у вас время...

— Нет, — добродушно сказал Ленин. — Я еще не согласен. Будьте любезны, подойдите к этому окну, Леонид Алексеевич.

Коршунов неохотно встал и в нерешительности, чего-то ожидая, смотрел на Ленина.

Но Ленин тоже не спускал с него глаз.

— Ну, — сказал он, — выходите.

— Пожалуйста. — Коршунов решился и вышел из-за стола.

Ленин посмотрел на ноги ученого и сказал:

— Ну вот. Так оно и есть. В чем же вы, батенька мой, поедете в тайгу? В этих рваных башмаках, которые расползутся на пятой версте от Москвы?

— Можно и в этих, — сказал Коршунов, — я их веревочкой... Внутрь портянки, а сверху — бечева.

— «Можно», — повторил Ленин, раздумывая. — Ведь у вас, видно, вторых нет?

— Откуда? Были, истрепались. А эти я берегу...

— «Можно и в этих», — снова повторил Ленин. — Простите, Леонид Алексеевич. Простите.

Ленин дотронулся до плеча Коршунова и усадил его. Заглянул в лицо — не обижается ли? И, окончательно убедившись, что не обижается, успокоился и зашагал по комнате.

— Есть у нас необыкновенные люди, — заговорил он. — Вот Циолковский. Представьте себе провинциальный русский город. Где-то в старом деревянном домике, наверное, на улице, поросшей травой, где бродят гуси и свиньи, живет старый учитель математики. Он получает свой паек — хлеб и селедку — и занимается вопросами полета в межпланетное пространство. Да еще, наверное, в нетопленной квартире сидит! И вы, батенька, по той же дороге: за тысячи верст, в тайгу, в Сибирь, в рваных штиблетах!

«Ну, а вы, — подумал Коршунов, — вы, Владимир Ильич? В стране, где не каждый может прочесть слово «социализм», строить социализм!»

И Коршунов вдруг ясно себе представил, что Ленина и его, Коршунова, что-то роднит, объединяет, что Ленин и он, Коршунов, совершают одно дело, и это дело — главное в жизни Циолковского, живущего в Калуге и осваивающего вселенную, и в жизни голодных рабочих, восстанавливающих заводы, и мужиков, поднимающих землю сохой...

Ученый ушел, возбужденный и какой-то легкий. Он пробежал по Кремлю, вышел на Красную площадь, думая о завтрашнем дне, о мечте, которая непременно осуществится.

...Наступит время, когда задымят в стране заводы, даже те, которых пока еще нет, тракторные и автомо-

бильные, замыслы которых только лишь рождаются у человека, работающего в небольшом холодном кабинете со сводчатым потолком... Всем будет доступно слово Пушкина и Толстого, потому что темная, полутикая Россия станет страной сплошной грамотности. И, конечно же, научные экспедиции доберутся до Северного полюса, а кто-нибудь спустится на дно океана или поднимется за атмосферу. И руководителям этих экспедиций не нужно будет беспокоить организатора нового огромного государства, беспокоить из-за четвертушки хлеба в день и табака... И вырастут новые люди с новыми понятиями о назначении человека... Это все будет.

А пока — неубранный снег на улицах, спешащие прохожие, которых подгоняет мороз, медленно плетущаяся лошадь, на которую кричит человек в армяке: «Эй ты, шелудивая!», частью закрытые, частью торгующие лавочонки с железными вывесками: «Мартянов», «Оптовая торговля Гурин и сыновья», «И. В. Кошкин. Скобяные товары». Это — пока.

...Проходит небольшой отряд красноармейцев в буденовках, везут на санях гремящие на всю улицу железные трубы — что-то восстанавливают или строят, — в окне учреждения промелькнул портрет Карла Маркса и начало какого-то лозунга: «Да здравствует...» Из подъезда в подъезд пробежала женщина в красной косынке...

Среднего роста крепкий человек ходит по кабинету в Кремле, центре необъятной страны, думает, энергично и быстро что-то записывает ручкой, похожей на ученическую, — и новые свершения, подвластные и уже такие близкие, которые преобразуют Россию, видятся ему.

НЕУЧТЕННЫЙ РЕЗЕРВ

Ленин — болен...

Пуст его кабинет в Кремле, пустует квартира. Изредка наведывается сюда Анна Ильинична, похозяйски вытирает пыль, смотрит, все ли в порядке, по просьбе брата отыскивает у него на столе бумаги, в библиотеке — книги, отвозит в загородный дом.

Центральным Комитетом партии вынесено решение о предоставлении Председателю Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ульянову-Ленину облегченных условий для работы за городом.

Ленин терпеливо выслушал это решение по телефону и сердито ответил:

— Подчиняюсь.

Уезжая за город, он предупреждает Центральный Комитет, товарищей по работе:

«Если я буду вам нужен, очень прошу не стесняясь вызвать. Есть телефон (знают и телефонистки коммутатора III этажа и Фотиева); можно послать бумаги через Фотиеву. МОГУ ВПОЛНЕ И ПРИЕХАТЬ: я езжу охотно, это менее часа».

За городом он установил себе сокращенный рабочий день.

Надежда Константиновна застает Владимира Ильича то склонившимся над столом и что-то быстро пишущим,

то стоящим в задумчивости у окна — руки глубоко в карманы брюк, взгляд в даль, — то, наконец, читающим литературу по специальным вопросам.

Лицо у Ленина осунулось, заметнее стали морщины, ярче прежнего блестят глаза — болезненный, лихорадочный блеск. Он понимал всю опасность своего положения. Сильные головные боли и изнуряющая упорная бессонница не проходили.

— Володя, ты опять много работаешь...

— Ничего, Надюша. Ты пришла звать меня обедать?

— Да, Володя, — отвечала Надежда Константиновна и добавляла тихо и твердо: — Но я прошу тебя, Володя...

Врачи осматривали его, расспрашивали о самочувствии, а разговаривали по-настоящему и откровенно только с ней, Надей. Он замечал иногда, как мелькали в дверях белые их халаты, значит, врачи были здесь, но до него они подчас не доходили: Надежда Константиновна, как могла, когда это считала возможным, оберегала его от лишних визитов. И если уж она просит...

— Хорошо, — говорил Владимир Ильич. — Хорошо, Надя...

Ленин чаще и больше гуляет, открывая все новые и новые окрестные места.

Мир был прекрасен в своей знакомой с детства, неброской красоте и незаметном величии. Тихий лес, перемежающийся уютными полянами... Быстрая, юркая в поворотах речушка... Крыши домов, крытые новым, золотящимся тесом, трубы, виднеющиеся из-за хлебов... И яркое, щедрое на тепло солнце над всем этим, и то неподвижные, то бегущие облака, и тени их, скользящие по пестрой, яркой, лоскунной, как одеяло, земле.

Не намечая себе заранее маршрута, Владимир Ильич бродил по окрестностям, то в старом, поношенном пиджаке и таких же брюках, то в полувоенном френче за-

щитного цвета. На голове у него — видавшая виды мятая кепка, на ногах — штиблеты, носки которых чуть загнуты вверх.

На полянке, покрытой кочками и старыми пнями, Владимир Ильич напал на богатые россыпи земляники. Она буйно и густо разрослась на кочках, вокруг трухлявых и толстых пней, на солнечной стороне небольшой ложбинки. И хотя кустики ее невелики и низкорослы — ягоды были большими, величиною чуть не с вишню.

Присев на корточки, Владимир Ильич стал собирать ягоды, думая, во что можно их набрать, в чем отнести домой. У него не было с собой ни газеты, ни даже листа писчей бумаги. Могла бы пригодиться для этого дела кепка, но кепку он носил уже не первый год. Где он ее только не клал, куда только не вешал в своих поездках по Подмосковью! Не годится... Был еще с собой носовой платок.

Владимир Ильич встал и вынул его из кармана. Как всегда, платок был свеж и чист. Снова присев, он расстелил его на траве и начал собирать землянику — ягодка в ягодку, — заранее предвкушая удовольствие от радостного удивления, которое доставит домашним это его неожиданное подношение.

Как и все, что он делал, Владимир Ильич собирая землянику с увлечением, поглощенный этим более чем приятным занятием. Интересное само по себе, оно нравилось Владимиру Ильичу и потому, что напоминало ему о детстве, о летних месяцах, которые в течение многих лет вместе с родителями, братьями и сестрами проводил он в таком живописном, красивом и милом Кокушкине... Как это призрачно, как давно было на самом деле, и как живо, как свежо в его памяти!

— Здравствуйте, дяденька! — услышал Владимир Ильич звонкий, приветливый голос и обернулся.

Недалеко от него остановилась девушка лет четырнадцати, с двумя кузовками-коробами из бересты.

— Здравствуйте, здравствуйте! — радостно отозвался на радушное приветствие Владимир Ильич и, встав, подошел к девушке.

— Далеко это вам нести? — деловито осведомилась она, кивнув на платок с ягодами.

— Версты три — четыре, — подчиняясь хозяйствскому тону, покорно ответил Владимир Ильич, чувствуя, что что-то, с точки зрения этой молодой крестьянки, он делает не так, как положено.

— Городской, конечно, будете? — спросила девушка, не сомневаясь в правильности своей догадки.

— Городской, — сознался Владимир Ильич.

Девушка кивнула головой: мол, так я и знала.

— Ни к чему это, — уверенно сказала она, снова указав на платок с ягодами, и снисходительно пояснила: — Много не донесете — подавите и помните, а мало нести — обидно. Небось семья-то большая? — спросила она с подкупющим простодушием.

— Большая, — снова покорно ответил Владимир Ильич.

— А вы крохи несете, — осуждая заметила девушка. — Что же им — по две ягоды достанется? Только дразнить?

— А что прикажете делать? — спросил Владимир Ильич, сощурив правый глаз.

— А вот возьмите у меня кузовок, — предложила девушка и протянула ему короб. — Тут и ягод немного есть. А не хотите нести чужие — я их пересыплю сюда, — девушка указала на второй короб, почти доверху наполненный ягодами.

— Нет, нет! — решительно сказал Владимир Ильич. — Большое спасибо, но короба я не возьму, самой сгодится.

— Да захочу — я его мигом сделаю, — сказала девушка, тоном давая понять, что о коробе и говорить не стоит.

— Нет, нет, спасибо, — отказался Владимир Ильич. — Я обойдусь.

Девушка внимательно осмотрела Ленина с ног до головы и сказала:

— Раз вы такой — собирайте в кепку. Покажите-ка ее мне, — по-хозяйски потребовала она.

— Э-э, нет! — воскликнул Ленин, довольный, что хоть сейчас может предстать перед девушкой человеком, немного сведущим в практической жизни. — Я уже, молодой товарищ, думал. Кепка категорически не годится.

— Покажите-ка, покажите! — настаивал «молодой товарищ».

Владимир Ильич снял с головы кепку и подал ее девушке.

— Пожалуйста! Милости прошу! Уверен, что не пойдет.

Девушка как будто не слушала его, она с серьезным видом осмотрела кепку и вежливо сказала:

— Сама вижу. Только ведь платок ваш может очень пригодиться. Постелите его в кепку и собирайте себе на здоровье.

Владимир Ильич громко и раскатисто рассмеялся.

— Ловко! — произнес он. — А я ведь думал и о кепке и о платке, но только о каждой вещи в отдельности. — Ловко!

Девушка, подняв глаза, открыто любовалась этим взрослым, видно, серьезным и важным в жизни человеком, который умел так весело, заразительно и от всей души смеяться. И девушка тоже улыбнулась.

— Как говорится, — заметил Владимир Ильич, — ум хорошо, а два лучше. И особенно, когда второй — молодой и смелый. Как зовут вас?

- Анютой...
- Анюта, Анюта, — повторил Владимир Ильич, разглядывая девушку. — Не зря назвали цветок анютиными глазками. — В каком вы классе учитесь, Арюта? — спросил он, продолжая собирать ягоды.
- Классе? — недоумевая повторила девушка. — У нас — группы... В седьмой буду с зимы.
- Отлично. И много у вас девочек в группе?
- А почти половина, — ответила Арюта, тоже собирая ягоды.
- Вот-вот! — довольный, заметил Владимир Ильич и повторил: — Почти половина! Архиважно!
- Что вы сказали? — спросила Арюта, не поняв смысла последнего слова.
- Очень важно, чтобы в наших школах училось много женщин, — объяснил Владимир Ильич. — До революции учился один из пяти нуждавшихся в образовании. А женщин в этой одной пятой — единицы.
- Как мало, — заметила девушка и задумалась.
- Так было, — произнес Владимир Ильич и спросил, указывая на звездочку, нашитую на правом рукаве платья Арюты: — А это что означает?
- Арюта почему-то вздохнула, оторвалась от ягод и сказала:
- Комсомол у нас...
- Так, так, так, — заинтересованно повторил Владимир Ильич. — Очень хорошо!
- Собрались мы, — продолжала Арюта, — и подумали: конечно, надо дело свое делать без лишнего шума, но хорошо бы, чтобы все знали, что ты член Российского коммунистического союза молодежи. Очень замечательно!
- Почему замечательно? — решительно спросил Ленин.

— Чтобы, где бы ты ни был, каждый незнакомый пролетарий и крестьянин мог обратиться к тебе первому за помощью и знал, что ты ему обязан помочь.

— Отлично! — с новым оттенком в интонации произнес Владимир Ильич. — Придумано просто и политически правильно!

— Значков у нас нет, — продолжала Анюта, — вот мы и решили нашить звездочки.

— Так. А кому, интересно, пришла эта мысль в голову?

— Василию нашему и мне... — ответила Анюта почему-то печально.

— Василий — секретарь ячейки?

— Секретарь...

— Так... А почему, — допытывался Владимир Ильич, — звездочка не красная? Была красной, да побурела? — он рассматривал звездочку, не очень четко выделявшуюся на фоне когда-то синего, цветущего сейчас платья, будто залитую фиолетовыми чернилами.

— Побурела... — неохотно отозвалась Анюта и, вспомнив о чем-то приятном, продолжала снова радостно: — Мы клуб сами начали строить, ликвидировать неграмотность... На сцене выступали против кулаков...

Владимир Ильич давно перестал собирать ягоды. Слишком был важен для него, ободряющ этот разговор с Анютой. Они присели на поваленное дерево, и Анюта, тоже позабыв о ягодах, продолжала рассказывать как о самом приятном и светлом в своей жизни:

— Зимой собирались у Василия в доме, готовили теплые вещи красноармейцам. Бывало, кто вязанки вяжет, кто шапки шьет... Ребята уж какие у нас серьезные, а тоже с нами сумерничали, помогали в этом бабьем деле.

Анюта говорила, вспоминая и эти вечера, и этих ребят, и голос ее становился все более ласковым и теплым.

— А какие мы книжки читали! — в восторге продолжала она. — Про Овода, про Спартака... О красных командинцах — Ворошилове и Буденном... А еще о Тарасе Бульбе: «Я тебя породил — я тебя и убью...»

Владимир Ильич внимательно, с живым интересом слушал и смотрел на Анююту. В этой девушке-подростке поражала могучая, стойкая красота, данная, наверное, одним лишь великороссам. Большие васильковые с лукавым блеском глаза, небольшой курносый нос, чистый открытый лоб, резко очерченные губы — все здесь было родное, красивое само по себе. Необычайно привлекательным лицом Аниюты можно было любоваться часами. Простая, сметливая, очень добрая, очевидно, выносливая и терпеливая, Аниюта в своем выцветшем платье, с двумя русыми косами, казалась воплощением новой России.

Владимир Ильич был счастлив.

— Очень хорошо, Аниюта, очень хорошо, — говорил он, хотя нельзя было понять, к чему именно относятся эти его слова, — очевидно, ко всему, что он услышал от нее, к тому, что он видел в ней. — Я рад, что вас встретил, — и Владимир Ильич дотронулся рукой до крепкого круглого плеча Аниюты.

Он хотел, чтобы это ощущение счастья продлилось. Много раз в периоды самой напряженной борьбы Владимир Ильич вот так как бы останавливался на мгновение и ощущал, что он по-настоящему, как только может человек, счастлив. Обычно это было в минуты побед, достававшихся ему ценою упорного труда, огромного напряжения духовных и физических сил. Сейчас он сидел на какой-то безвестной полянке, рядом с красивым человеком, ростком нового общественного строя и его строителем, кепка с ягодами лежала у его ног, светило

солнце, на небе стояло несколько воздушных белых облачков, — сидел и был счастлив.

— Я тоже рада, — отозвалась Аньота, глядя куда-то вдаль.

Так они сидели несколько мгновений.

Вдруг неподалеку ударили к ранней вечерне. Задрожал теплый и прозрачный летний воздух. Тихий благовест, медное гудение поплыло по полям и лугам.

— Ой! — испуганно вскрикнула Аньота, вскочив на ноги. — Опаздываю!

Она схватила свои кузовки, быстро оглянулась на Владимира Ильича — косы ее полетели в сторону, — хотела что-то сказать, большое и важное, и лишь вымолвила тихо и печально, с долей отчаяния:

— Прощайте...

И понеслась туда, откуда мерно плыл — в колыхающемся от ударов меди воздухе — благовест.

— Куда вы? — крикнул Аньоте Владимир Ильич.

— В церковь, — не оборачиваясь, ответила она.

Ленин резко встал. «В церковь!»

Аньота бежала, раскидывая ноги в разные стороны, сверкая на солнце загорелыми икрами. Вдруг она оглянулась и увидела Ленина — сильно встревоженного, решительного. Расставив ноги, он прочно стоял на земле. Голова его вскинута, подбородок выставлен.

И Аньота остановилась.

Владимир Ильич шел к ней. Не дожидаясь, когда он приблизится, видно экономя время, Аньота проговорила, стараясь все объяснить:

— Отец и мать велят в церковь ходить... Прибывают... Звездочку не могли оторвать, так — чернилами из пузырька...

Владимир Ильич не успел произнести гневный вопрос «Ну, а вы?», как Аньота, предчувствуя его, объяснила:

— Говорят, Советская власть отступилась, сдалась с этим нэпом... Опять буржуи да торгаши... Куда же ты, говорят, идешь? Петр Фомич Ивантеев уж какой был красный, а давно руки опустил... — Сделав едва заметную паузу, Анюта закончила: — Опаздываю!

— Подождите, товарищ!

Анюта приготовилась было бежать, но слово «товарищ» и тон, которым оно было сказано, остановили ее.

— Я тоже человек со звездочкой, товарищ Анюта, — сказал Владимир Ильич.

Анюта взгляделась и только сейчас по-настоящему рассмотрела решительного собеседника. Она где-то видела его и раньше... Только где?..

— А ведь вы — Ленин! — вдруг воскликнула Анюта и добавила неуверенно и опасливо: — Или нет?

— Ленин, — подтвердил Владимир Ильич.

— А на портретах — моложе... — растерянно проговорила Анюта.

— Возможно, — согласился Ленин и спросил: — Кто у вас секретарь партийной ячейки?

— Бороздин...

— Так! — Ленин вынул записную книжку и, что-то там пометив, сказал твердо: — Товарищ Анюта, не сдались Советская власть и не сдастся. Вы верите мне?

Анюта не ответила. Она опустила глаза, думая о чем-то своем. Видимо, девушка верила Ленину, внутренне соглашалась с ним, но все же что-то ей мешало подтвердить это, и она тихо сказала, помедлив:

— Опаздываю...

И пошла в сторону, откуда продолжал доноситься призывный колокольный звон. Отойдя на приличествующее, по ее мнению, расстояние, она побежала.

Владимир Ильич неподвижно стоял, глядя, как удаляется Анюта.

Только сейчас он понял, почему Анюта говорила о комсомоле, о борьбе с кулаками в прошедшем времени. Все это ей казалось прошлым.

Прошлое! «Не вышла Советская власть! Была такая, но не получилась!»

На случайной подводе ехал он обратно, молчаливый и встревоженный, обдумывая статью, фразы которой уже просились на бумагу.

Бойко бежала сытая, гладкая лошадь, легко катя новенькую телегу с еще светлыми, еще не успевшими почернеть колесами. Сзади болталась из стороны в сторону тоже новенькая дегтярница.

— Как живете? — спросил Владимир Ильич.

Хозяин, мужик лет сорока — сорока пяти, повернулся к Ленину и переспросил:

— Как живем? А вот, мил человек, кнут лежит, а лошадь бежит. — С этими словами хозяин показал Ленину блестевшее глянцем ореховое кнутовище с расхлестанной веревкой, лежавшее сбоку, и, покрутив им в воздухе, положил обратно. — Лет двадцать мечтал о такой кобыле.

— Выходит, хорошо живете? — спросил Ленин. — Из середняков?

— В волости значусь как крепкий середняк.

— Крепкий? — повторил Ленин. — Значит, и деньжата есть?

Хозяин покосился на случайного пассажира, словно подумал: не ограбить ли он хочет? — и ответил с подчеркнутой смелостью, но все еще не спуская взгляда с Ленина:

— Е-есть.

— Куда же их пустите? В торговое дело? Или промыслом зайдетесь?

— Ситцем будем торговать. Деревня раздета.

— Деревня раздета, — согласился Ленин, думая о своем. — Значит, подадитесь в торговлю. А земля? — неожиданно спросил он.

— Пока не окрепну — сам с сынами пахать буду. Не привыкать, — неторопливо ответил хозяин.

— А разбогатеете? — спросил Ленин, догадываясь об ответе.

— Других найму.

— Та-ак... — раздумывая произнес Владимир Ильич. — Программа ясная. Но зачем торговцу земля? Почему от нее совсем не отказаться? Привычка? Традиции? Хозяин ухмыльнулся.

— Какая там привычка!

— Ну а что же тогда? Боязнь прогореть?

— Не прогорю... — уверенно сказал хозяин. — Начну с копеек. Привезу из города штуку ситца — продам. Толк будет — куплю две. А уж потом — открою настоящее дело.

— Значит, не из-за страха прогореть держитесь за землю. А из-за чего же? — продолжал допытываться Ленин.

— Из-за чего? Торговец-то я временный. На года два — три, дай бог, четыре.

— А почему временный? — Ленин заинтересовался собеседником все больше и больше.

— Как почему? Слава богу, умом не обижен: нэп — политика временная, и я торговец временный. — Хозяин помолчал немного и продолжил: — Я, мил человек, в армии был, коммунистов знаю. Нэп они серьезно разводить не будут. Кооперацию разовьют, станут на ноги, и всех этих торговцев года через два — три прихлопнут. «Убрайтесь к чертовой матери! Хватит!» — Он еще помолчал несколько мгновений и сказал неожиданно: — Вот вы и прихлопнете.

— Почему я?

— Вы же какой-нибудь начальник из уезда, а может быть, и из губернии.

— Начнут прихлопывать, а вы к тому времени снова на земле?

— Как есть...

— На земле с новым домом, тремя коровами, двумя лошадьми...

— С пятью коровами и тремя лошадьми, — поправил хозяин.

— Ого!

— А как же?! Чего ради ситцем торговать?

— Ловко и по-своему умно. Значит, понимают, что такое нэп, что Советская власть не сдалась?

— Большинство понимает.

— Мне здесь, — сказал Ленин и, когда телега остановилась, соскочил на землю. — Спасибо.

— Не стоит... — Хозяин легко тронул вожжи, кобыла сразу взяла рысью, телега быстро покатила по дороге.

Владимир Ильич проводил ее взглядом и пошел к дому.

У дома он заметил Надежду Константиновну и доктора, выходящих из дверей.

Доктор что-то говорил — и, судя по виду, с которым он это делал, можно было предположить, что он все знает, все ведает, — а Надежда Константиновна внимательно слушала и изредка кивала головой в знак согласия.

Выждав время, Ленин прошел к себе и засел за письменный стол. Нужно было писать статью о нэпе.

Надежда Константиновна застала его стремительно-быстро перелистывающим газеты.

— Володя! — воскликнула она. — Ты давно вернулся?

— Минут пятнадцать, двадцать...

— И с тех пор занимаешься?

— Да... — ответил Ленин, продолжая работать.

Надежда Константиновна молчала. По-видимому, сегодня он снова нарушит установленную ему норму занятий. Но что делать?

Она невольно вздохнула.

Владимир Ильич встал и взял руки Надежды Константиновны в свои.

— Володя, — мягко проговорила Надежда Константиновна, — нельзя так много... Тебе станет хуже...

Владимир Ильич посмотрел ей в глаза и хотел сказать что-нибудь успокаивающее, обычное: «Ничего, ничего, Надюша», но заметил, как бледна Надежда Константиновна, и ничего не сказал.

Потом, посмотрев на неоконченную рукопись, которая словно ждала его, он рассказал о встрече с Анютой.

— Надо сегодня поработать немного больше, — закончил он. И, чтобы сгладить впечатление от последних слов, добавил: — Смотри, Надя, какой я тебе гостинец притащил! — Владимир Ильич улыбаясь преподнес ей ягоды.

Надежда Константиновна, держа подарок в руках, ответила ему слабой улыбкой.

— Какая хорошая земляника, — наконец сказала она.

— Отличная земляника! Как в Кокушкине! И отлично, что тебе понравилась... Оставь меня, Надя, на минутку, — попросил он после небольшой паузы.

Надежда Константиновна уступила.

По-прежнему держа кепку в руках и не притрагиваясь к ягодам, она вышла. Что-то мешало ей настоять на своем. Это была, очевидно, уверенность, что Владимир Ильич иначе не может. Но правильно ли она поступает, что не всегда и не буквально следует указаниям врачей?

...А Ленин после окончания работы над статьей вновь пишет письма, записки, посыпает поручения секретарям,

иногда выезжает в Москву для участия в заседаниях, для выступления на каком-нибудь совещании или собрании. Пишет новые статьи...

Но как ни старался Ленин выполнять решения ЦК и соблюдать режим, сокращенный рабочий день все же иногда растягивался. И доктор, вновь приехав и узнав об этом, недовольно сказал Надежде Константиновне:

— Ай-ай-ай-ай! Зря он это делает, совершенно зря! Перегрузка, нарушение установленного режима — категорически недопустимы! — и правый указательный палец его запрещал, требовал, наставлял: — Недопустимы!

Надежда Константиновна кивнула доктору головой в знак полного согласия.

— Надежда Константиновна, — сказал он, — вы опять киваете головой. Я это уже видел, а выходит...

— Нет, нет, — перебила она его. — Я действительно с вами согласна.

— Да? — спросил доктор, глядя в глаза Надежде Константиновне.

— Да.

— И все-таки вы кое-что разрешаете Владимиру Ильичу. А ведь он жертвует жизнью ради общего дела. Жертвует! — подчеркнул доктор.

Надежда Константиновна насторожилась, и доктор, с которым она полностью вот сейчас соглашалась, человек, только что казавшийся ей даже в чем-то близким, стал вдруг чужим, не понимающим Володю. Володя «жертвует»!

Каждый день в течение десятков лет она видела, как он не щадит себя. Но — «жертвует»?.. Нет, он может втрое, вдесятеро больше не щадить себя и не знать, что чем-то жертвует. Если бы доктор понимал, как это прибавляет силы, как освобождает душу от гнета, поддерживает человека!

Вот он сейчас, наверное, склонился над столом, навис над ним крупной головой, правым плечом, с простой ручкой в руке — над бумагой, над делами и проблемами, расправляет с одними, кто толкает на неправильный путь, ободряет других, кто помогает народу, учит тех, кто еще чего-то не понимает.

Он мог работать часами, не замечая течения времени, наступления сумерек и вечерней свежести.

Скосив на миг глаза в сторону газеты, где красным карандашом отчеркнута чья-то статья и отмечены отдельные фразы в ней, он пишет, и уже эта статья, мимо которой, наверное, большинство прошло бы, не заметив ее, будет теперь на виду у всех.

Блестя глазами, отливающими миндалем и золотом, он работает, усталый и счастливый.

Надежда Константиновна даже улыбнулась, радостно и легко.

— Вот вам раз! — удивился доктор. — Вы чему это?

— Так, доктор, так, — произнесла Надежда Константиновна, думая о своем и не желая продолжать разговор. Доктор учел все, кроме одного обстоятельства. У Володи есть еще не учтенный докторами резерв сил.

Но когда-нибудь и он будет исчерпан. Найдется, наверное, новый, не известный ни врачам, ни ей, ни одному человеку в мире, но и этому источнику сил тоже наступит предел... Когда-нибудь, но не теперь.

И Надежда Константиновна пообещала доктору строже соблюдать установленный для Владимира Ильича режим.

ПИСЬМО

Низко склонившись над столом, курсант кремлевской школы имени ВЦИК Прохор Дегтярев, усердно выводя каждую букву, писал:

«...Хата же окончательно развалилась. Я сам прошлым летом подпирал ее слегами и жердями. Хату насквозь проносит ветром, крыша течет, а как в такой жить вдове с двумя малолетними детьми? Поскольку мужа у нее нет, так как он убит на войне, то заступиться некому. Если есть такая возможность, Владимир Ильич, окажите помощь вдове красноармейца...»

Прохор задумался и вместо «Владимир Ильич» написал «Председатель Совета Народных Комиссаров» — солиднее и уважительнее. Он снова перечитал письмо и нашел, что и это обращение не особенно удачно: уж очень оно официально и сухо. Нельзя так обращаться к Ленину! Помучившись минут с пяток, он решил оставить и первое и второе, но тогда получалось, что председатель не имеет фамилии, и Прохор написал: «...товарищ Ленин, Председатель Совета Народных Комиссаров...»

Теперь как будто все было на месте. Прохор аккуратно сложил листок вчетверо и осторожно, чтобы не помять, спрятал его в карман гимнастерки. Завтра, заступив на дежурство, он вручит его Ленину.

Прохору Дегтяреву приходилось стоять и на посту № 27, у входа в квартиру Владимира Ильича, в бывшем здании Судебных установлений, где теперь разместилось правительство молодой Советской республики.

Несколько раз в день Ленин проходил мимо всего в двух четвертях или каком-нибудь аршине от часовного. Кому-кому, а Прохору Дегтяреву Ленин был доступен более, чем всем председателям всех губисполкомов!

Ночь Прохор провел беспокойно, часто просыпаясь с мыслью о том, что он должен сделать завтра, и снова впадая в тревожное забытье.

...Лучше всего, наверное, письмо вручить, когда Ленин будет возвращаться домой: увидев его в длинном коридоре, можно заранее подготовиться и сказать, что надо... А все-таки ловко ли это — вручать письмо Ленину: и дождаться ему лишний раз и как бы использовать свое положение?.. Но ведь не себе же хата!

И Прохор снова засыпал.

Утром он уже стоял на посту.

В тишине Прохор иногда улавливал стук телеграфного ключа: далеко по коридору, за кабинетом Ленина — кремлевский коммутатор и телеграф. Наверное, туда вошли или вышли, и вот — пока дверь оставалась открытой — можно было услышать прерывистый стук телеграфного аппарата.

Да вот еще. Когда Прохор переступал с ноги на ногу, он слышал, как скрипели его новенькие, подбитые железом венгерские ботинки, в которых щеголяли курсанты.

Стоя на часах, Прохор уже успел слегка продрогнуть. В Совнаркоме плохо топили печи. Разруха, остановившийся железнодорожный транспорт привели к топливному голоду, который сказывался и здесь.

Было по-прежнему тихо... В Совнаркоме еще не приступали к работе. Чувствуя, как сильно, тревожно колотится его сердце, Прохор думал и о письме и о своем

доме. Там давно, наверное, уже подхватились, в заснеженном лесу рубят дрова. А скоро весна, и все высыпят в поле — на свои наделы, со своими лошадьми... Солнце как следует прогреет землю, и сверкающий под его лучами отполированный плуг будет отваливать сухой, твердый глинозем в сторону... Вот уже без двадцати пяти девять... Скоро!..

Прохор приложил руку к карману, потрогал: письмо здесь.

В девять или чаще на две — три минуты раньше, но никогда не позже девяти, уходил на работу Ленин.

Прохор подтянулся. Вскоре дверь действительно открылась.

— Здравствуйте, товарищ! — произнес Ленин, приветливо кивнув часовому и взглянув в его лицо.

— Здравствуйте, товарищ Ленин! — громко ответил Прохор.

А Ленин уже легко и быстро шел по длинному коридору. Сейчас Ленин скроется из глаз, уйдет в свой кабинет, а Прохор Дегтярев будет стоять, как стоял. Он не представлял себе достаточно отчетливо, чем занимается в этом кабинете Ленин. Но вот он там сидит, работает по четырнадцать — шестнадцать часов в сутки, а потом появляется какой-нибудь декрет, распоряжение, и трудовому народу становится легче жить, наводится все больше порядка в России. Одним словом — вождь...

Иногда Прохор сам видел Владимира Ильича за работой, слышал отрывки разговоров с ним и, вспоминая об этом, все больше укреплялся в своем решении, что можно обратиться к Ленину с письмом. Конечно, конечно можно: он — каждому трудящемуся товарищ.

А письмо, ясное дело, лучше вручить Ленину, когда он будет идти обратно... Как появится шагов за десять, Прохор вынет письмо из кармана и скажет приближающемуся к нему Владимиру Ильичу:

— Товарищ Ленин, разрешите обратиться!

Прохор, поеживаясь, переступил с ноги на ногу.
Бр-р! Холодно!

«Если бы сейчас, — подумал Прохор, — пробежаться — сразу бы согрелся, а когда стоишь — известное дело... Скорей бы в казарму!»

Как всегда, в обеденное время Ленин отправился домой. Его сопровождал помощник коменданта Кремля.

— Кто отдал такое приказание? — спросил Ленин, по всей видимости продолжая разговор, и остановился, засунув руки в карманы брюк.

— Я, Владимир Ильич, — чувствуя, что Ленин недоволен, виновато сознался помощник.

— Вы приказали? А на каком основании? — строго спросил Ленин.

— Ведь вам невозможно работать, Владимир Ильич! Уж очень у вас холодно.

— Это не основание. Теперь в России всюду холодно. Потрудитесь больше никогда не отдавать таких приказаний.

— Слушаюсь, Владимир Ильич, — виновато сказал помощник коменданта.

Владимир Ильич, как всегда, достав пропуск, предъявил его часовому и прошел домой.

Прохор вздохнул. Такой удобный случай — уж больше некуда! — а вот не вручил бумагу. Что-то — что именно, Прохор и сам не знал — помешало ему. Всетаки, наверное, не совсем ловко это... Каждый бы хотел сунуть Ленину бумагу с просьбой, да не каждый может... Что ж, выходит, он своим положением пользуется? Нет уж... Конечно, он старается не для себя, для сестры, но все-таки...

— Григорий, — обратился он как-то вечером к своему соседу по койке — балагуру и весельчаку, — что скажешь? — И стал объяснять свои затруднения.

Тот внимательно слушал, а когда Прохор кончил, вдруг насторожился, прислушался и произнес, предупреждающе подняв указательный палец кверху:

— Тс-с-с!

— Ты что? — спросил Прохор, невольно понизив голос, и взглянул на дверь, куда, высоко подняв брови, напряженно смотрел Григорий Блинников.

— Вот мы здесь сидим, — тихо, почти шепотом продолжал он, — говорим о своих делах, и вдруг дверь открывается и входит Ленин... Да, сам Владимир Ильич...

Прохор в досаде махнул рукой и произнес неприязненно:

— А-а! Выдумываешь!

Входит Ленин, Владимир Ильич, — продолжал, ничуть не смущаясь, Григорий, — и прямо к товарищу Прохору Дегтяреву: «Я вижу — вы задумались? О чем вы думаете, товарищ Дегтярев? Что не дает вам покоя?» Ну, а ты ему свое письмо в руку — раз! Вот тогда бы, брат, может, и удобно было бы Председателя Совнаркома беспокоить.

— Да не о себе же я! — воскликнул Прохор, сердясь.

— Но и не о чужом...

Недовольный, Прохор в досаде махнул рукой.

Он решил подождать. Пройдет время, оно покажет.

Недели через две — три он получил письмо из деревни. Едва заметные жидкые фиолетовые чернила расползались на плохой, шершавой бумаге. Сестра спрашивала, как он там живет, и сообщала, что она по-прежнему мается с ребятами в старой хате. Спят не раздеваясь. Даже на печке — и то становится холодно к утру.

Прохор снова вздыхал и задумчиво постукивал конвертом о стол. Что же делать? Еще не раз будет стоять он на посту № 27, не раз будет иметь возможность обратиться к Ленину. Но вот ловко ли обращаться самому?

Часа в три ночи Владимир Ильич Ленин неожиданно появился в казарме курсантов.

Узнав в вошедшем Ленина, веря и не веря, что это он, дежурный поспешно направился навстречу почетному гостю и самому большому в стране начальнику.

— Здравствуйте, товарищ, — поздоровался Владимир Ильич, протягивая руку дежурному.

Тот на мгновение как бы запнулся, смешался и только потом пожал протянутую руку.

— Здравствуйте, товарищ Ленин! — четко, громко ответил он и отрапортовал, вытягиваясь и отдавая, на конец, честь, как и положено: — Дежурный по школе Новиков. Курсанты отбыли ко сну. Никаких происшествий нет.

— Очень хорошо, товарищ Новиков. Можно ли мне посмотреть, как отдыхают курсанты?

— Есть! — по-прежнему громко ответил Новиков. — Есть посмотреть!

— Простите, товарищ Новиков, — как можно проще, тепло сказал Владимир Ильич, который не любил, чтобы перед ним вытягивались и утруждали себя докладом. Он всегда смущался, когда замечал излишнее, по его мнению, внимание к своей особе. — Я хочу сначала узнать — можно ли? — подчеркнул он последнее слово.

— Конечно, товарищ Ленин!

— И так, чтобы не нарушать их покоя. Я не помешаю?

— Что вы, товарищ Ленин!

— Тогда пойдемте.

— Есть пойдемте!

Новиков подвел Владимира Ильича к двери и, предупредительно открыв ее, пропустил гостя. Ленин мед-

ленно пошел между двух рядов коек, где спали курсанты, смотря то направо, то налево. Новиков, следуя за Лениным, встревоженно и напряженно ощупывал глазами стены, пол, койки: неужели в эти самые минуты, когда сам Председатель Совнаркома, сам Ленин прибыл в казарму, вдруг обнаружится какая-нибудь досадная небрежность? Ведь бывает же такая подłość в мире! Но в казарме, кажется, — во всем полнейший порядок и чистота.

Тем не менее Ленин, что-то заметив, вдруг свернулся направо в проход между двумя койками. Новиков быстро вынырнул из-за спины Владимира Ильича: что могло привлечь его внимание? Неужели...

На койке, разметавшись во сне, подтянув колени к животу, съежившись от холода, спал русый курсант. Край одеяла сполз на пол. Владимир Ильич посмотрел в лицо курсанта, наклонился и, подняв край, заботливо укрыл спящего, подоткнув одеяло. Потом он снова посмотрел в лицо этого русака, усталого после трудных дневных занятий, наверное, невысокого и худощавого, посмотрел, словно в чем-то убеждаясь, проверяя себя. И, несколько раз качнув головой в знак, видно, подтверждения своей мысли, Ленин тихо спросил:

— Курский, орловский?

— Из-под Брянска, товарищ Ленин.

Ленин снова качнул головой: так, мол, можно было и подумать, никак не иначе...

Он повернулся, чтобы уйти, и увидел другого курсанта, который напряженно смотрел на него. Это был Прохор Дегтярев.

— Я вас разбудил? Почему вы не спите? — тихо обратился к нему озабоченный Ленин.

— Нет, нет, Владимир Ильич... Вы не разбудили меня... — привставая, ответил Прохор. Какой удобный

случай рассказать о сестре, ее ребятах, достать лежащую под подушкой бумагу и отдать Ленину! Но Прохор сказал: — Сон приснился, Владимир Ильич.

— Больше гуляйте перед сном, — тихо посоветовал Ленин и добавил, смотря на дежурного Новикова: — Если это, конечно, можно.

Хотя Новиков неопределенно и еле заметно качнул головой, Владимир Ильич, поняв его, спросил:

— Большая учебная нагрузка? Очень устают?

— Так точно, товарищ Ленин. Большая учебная нагрузка.

— Как с питанием? Сколько раз в день кормят курсантов? Есть ли жалобы на питание?

— Жалоб нет, товарищ Ленин, — отчеканил Новиков и стал рассказывать, что именно входит в рацион курсантов, когда и сколько раз они едят.

Владимир Ильич снова посмотрел на брянского, спавшего безмятежным сном, на Прохора Дегтярева и, молча попрощавшись с ним, вышел из казармы.

Прохор долго не мог уснуть. Он вынул из-под подушки письмо, в который раз перечитал его и положил обратно... Сам Ленин, работая по четырнадцать — шестнадцать часов в сутки, недосыпая и не отдыхая, пришел к ним посмотреть, как спят, как отдыхают курсанты, а он, Прохор, пользуясь случаем, который из миллионов людей представился только ему, протягивает руку за помощью! Думая об этом и отчетливо представляя, как лихо сейчас сестре и ее ребятам в холодной, разваливающейся хате, он чуть не плакал. Просить — неловко, и не просить нельзя: что же будет, кто поможет? Есть ли третий путь? А весной? Зарядят дожди, потечет с потолка, и десяти лоханок или тазов не хватит, чтобы подставлять под струи! Сырость, грязь, простуда... Если не заболеют сейчас, заболеют потом...

А стоило всего лишь ответить на вопрос Ленина — и все! Ну что ему: только слово написать на бумаге да поставить подпись. Это — легко, а вот помочь всем — труднее...

И, вспоминая в который раз, как Ленин стоял вот здесь, рядом, Прохор отчетливо видел его усталое от всепоглощающей, титанической работы лицо и улыбку, словно стремящуюся согреть и ободрить всех, кто нуждается в этом.

«И когда он только отдыхает?» — подумал Прохор.

Прошло несколько месяцев.

Писем от Ани не было.

Время проходило в занятиях, тяжелом труде днем и невольных тягостных раздумьях вечером, когда выпадала свободная минута...

Одними из первых в Кремле курсанты узнали о болезни Ленина. В помещении Совнаркома, особенно в длинном коридоре, ведшем к квартире, где лежал Ленин, они сохраняли полнейшую тишину. Кто-то из курсантов предложил заменить венгерские ботинки, железные подковки которых сильно стучали по торцовой мостовой. Когда проходил взвод или даже небольшая группа курсантов, лязганье железа, цокот доносились до комнаты, где лежал Ленин.

Ботинки немедленно сменили...

Как-то в середине мая Прохор Дегтярев, все еще по какой-то привычке не расстававшийся с мыслью обращаться к Ленину (хата, наверное, совсем развалилась) и носивший уже изрядно потертую бумагу в кармане гимнастерки, стоял на посту у входа в здание Совета Народных Комиссаров.

Вдруг дверь подъезда открылась, но никто в ней не появлялся. Чья-то белая нервная рука держала ее открытой одно мгновение, второе, третье, подготавливая что-то необычное и трагическое... И вот где-то внизу Прохор увидел голову Ленина с огромным выпуклым лбом, а потом всего его, неподвижно лежащего на медленно двигавшихся носилках... В тревожном, пугающем безмолвии они проплыли мимо. Промелькнули Надежда Константиновна, Мария Ильинична, врачи, кто-то еще... Полная тишина, хотя бы кто-нибудь слово сказал!

В такой же тишине носилки поднесли к машине, поставили их, в тишине люди сели, и в тишине машина медленно двинулась из Кремля.

И когда она скрылась из глаз, стояла такая же тишина, как будто ничего и не случилось, никого и никуда не унесли, и это было нестерпимо.

Прохор пришел с дежурства усталым и разбитым. Он сел за стол, прочел знакомое до каждого слова, до каждой буквы и запятой свое письмо Ленину и, порвав его, уронил голову на стол.

Май был теплым и тихим, зеленела листва, голубело небо, курсанты в ботинках без подковок каждый раз, проходя мимо квартиры Ленина, замедляли по привычке шаги, ступали осторожнее и тише.

А Ленина здесь давно уже не было...

Вскоре Прохор получил от сестры письмо, отправленное больше месяца тому назад. Он взял его в руки и долго не вскрывал, чувствуя какую-то свою вину перед ней, зная уже все наперед. И ребята могли заболеть, и сама она...

Прохор тяжело вздохнул и разорвал конверт. Аня писала, что получила новый дом, как и Винникова, тоже солдатка, как и беднячка Осипова.

Прохор Дегтярев невольно посмотрел на красный флаг над зеленым куполом ВЦИКа, осенявший сейчас жизнь не одного человека, которому Ленин так или иначе был доступен и близок, а миллионов и миллионов людей, которых он никогда не видел и с которыми никогда не был знаком.

В МУЗЕЕ

В вагоне было пыльно и душно, как на улице перед грозой.

Аксинья, женщина уже старая, в простом ситцевом платье и пестром платке, внимательно смотрела в окно. Она часто высовывала голову, провожая взглядом что-то привлекавшее ее внимание.

Лицо ее, правильное, с крупными чертами, когда-то очень красивое и задорное, потеряв молодость, обрело суровое выражение и было изрезано немногочисленными, но глубокими морщинами.

В глазах ее, смотревших на все прямо и открыто, светились спокойствие и уверенность, лишь изредка омрачавшиеся печалью.

Аксинья смотрела на поля. Ей казалось, что ветер доносит до нее глухой шум гречихи, ласковый шелест льна, тихий ропот и сухой шорох ржи... Казалось еще Аксинье, что до нее доплывают ароматы меда с нескончанных лугов, земляники, затопившей своей краснотой перелески, грибов, неудержимо прущих из мха в этих старых лесах...

— Гречка-то, смотри, сколько гречи! — произнесла Аксинья, повернувшись к соседям.

Но пассажиры, занятые беседой, не отвечали. Аксинья восторгалась, уже ни к кому не обращаясь.

— Хороши-и хлеба... А тут-то что? Лысина... Ай град побил? Или повытоптали? — Аксинья совсем перестала замечать, о чем говорят в вагоне, и, думая вслух, продолжала делиться своими мыслями.

Две женщины, наклонившись друг к другу, не слушая Аксинью, тихо беседовали о своих сыновьях. Вдруг одна оборвала фразу: прямо на женщин с грустью смотрела Аксинья.

Глядя в ее глаза, теперь печальные, нельзя было подумать, что когда-нибудь, хотя бы изредка, в них может вспыхивать огонек задора. Только что она видела человека, косившего у лип на лугу. Широко забирая косой, он работал легко, ловко, словно играя. Волосы падали ему на лоб, и он движением головы откидывал их назад. Таким, показалось ей, мог быть ее Павел.

Женщины, не поняв причины этого взгляда Аксиньи, посмотрели в другую сторону купе, но, не найдя и там ничего, что объяснило бы перемену в настроении соседки, вдруг, поджав губы, обменялись взглядами и замолчали.

Аксинья, заметив их растерянность, отвернулась к окну. И после, до самой Москвы, она смотрела в окно, видела поля, но ни разу не сделала ни одного замечания.

...Давно еще, задолго до революции, Аксинья летом жала, осенью работала на огородах, зимой пряла и всегда, круглый год, в дождь и метель, жар и холод, ходила под воскресенье мыть полы в большом, со многими окнами доме доктора. Она все ждала, что когда-нибудь будет жить иначе, лучше...

Рано вышла замуж. Наконец-то, казалось, должна начаться настоящая жизнь. Слава богу, попался хороший мужик и отличный работник. Но муж умер, и к тому времени давно уже была забыта молодость.

Болели и умерли дети, выжил один. Подрастет, думала Аксинья, — и тогда начнется эта настоящая, человеческая жизнь.

Когда докатилась до деревни революция, а за ней гражданская война, Аксинья с надеждой вздохнула: вот и она заживет счастливо. Земля, заводы — все для народа! Но пришла новая беда: в двадцатом году пропал без вести сын Аксиньи, Пашка.

Зловредная соседка болтала, что он, желая помочь матери, поехал за солью да и пропал; кто-то видел его на фронте, но ничего толком известно не было. Где он? Что с ним? Погиб на фронте, добывая людям правильную жизнь, или, может быть, жив?

С годами это горе хотя и забывалось, становилось глуше, но не покидало Аксинью. И вот сейчас этот человек на лугу, этот разговор женщин о своих сыновьях...

Когда-нибудь вдруг она узнает обо всем. Когда и где? — она не знала и сама.

Когда поезд прибыл на вокзал, Аксинья, растерянная и сбитая с толку суетой, грохотом и грандиозностью представшего перед ней города, осмотревшись, подошла к милиционеру. Она робко, с сознанием, что зря беспокоит этого важного человека, спросила, как доехать до общежития для гостей Сельскохозяйственной выставки.

Прошла неделя. Осмотр выставки был закончен. Завтра нужно уезжать домой.

Все утро лениво моросил теплый дождь. Большие, небрежно разбросанные дома смутно вырисовывались в дождливой мгле. Казалось, что на улице сырно и неуютно по-особенному, как никогда еще не было. Прохожие в калошах, с раскрытыми зонтиками в руках быстро мелькали за окнами и где-то скрывались. Пробежал мальчишка в новых калошах, стараясь попасть ногами в

лужу. Проехал автомобиль, разбрызгав воду из выбоин асфальта. Медленно прошли парень с девушкой — что им до дождя? Старичок с газетой просеменил мимо. У каждого — свое.

Кто-то предложил съездить в музей Ленина. Все согласились.

Долго ждали двухэтажного троллейбуса — молодежи хотелось ехать обязательно в двухэтажном, наверху.

Когда приехали, Аксинья увидела будку справочного бюро. «Что, если... — подумала Аксинья, — что, если он в Москве?» Она вспомнила рассказы о том, как отыскивали в Москве знакомых людей, давно потерянных родственников, детей... «Что, если...» Боясь, что у нее не хватит смелости сделать это позднее, она подошла к будке.

— Барышня, — обратилась она к девушке, — сын у меня пропал... Я все скажу. Сын Ивана Петрова Нечаева, Павел Иваныч Нечаев, родился в девятьсот втором году, летом, в июне...

— Нечаев?

— Павел Иваныч. Пропал без вести. В девятьсот втором году родился, в деревне Шиловка, Петровского района, Орловской области...

Девушка взяла телефонную трубку, Аксинья замерла и закусила губу. Ей казалось, что девушка все делает слишком медленно — и то, как она взяла телефонную трубку, и то, как повторила кому-то уже сказанное Аксиньей. Как медленно она повторяла!.. Потом потянулось это молчаливое ожидание, когда барышня все время говорила: да, да, да...

Девушка наконец получила ответ, молча положила телефонную трубку на аппарат, стала искать ручку, написала квитанцию и попросила двадцать копеек. Аксинья лихорадочно быстро вынула десятку и умоляла:

— Возьмите, возьмите, возьмите...

Девушка взяла. Аксинья радостно улыбнулась и бежржно приняла квитанцию. Зажмурила глаза, потом сразу открыла и поднесла квитанцию к глазам. Удивленная, посмотрела на девушку. Та протянула сдачу. Аксинья застыла и почувствовала недобро.

— Вы все, все возьмите...

— Не проживает такой, — сказала девушка. — Не проживает, — повторила она, взглянув в лицо Аксиньи, и положила сдачу перед женщиной.

«Нету... Ну что ж, нету...» Теперь Аксинье ничего не хотелось делать: ни идти, ни стоять, ни ехать.

Но в музей все-таки пошла.

Больше всего она задерживалась у витрин с вещами, подробно рассматривая то вышитый рушник, поднесенный Ленину крестьянками, то маленькую винтовку, искусно сделанную мастерами. Ее интересовали не столько фотографии и бумаги, сколько вещи Ленина, которые он брал в руки и которыми пользовался. Они, казалось ей, хранят еще до сих пор тепло ленинских рук и могут многое рассказать о нем.

Но одну фотографию Аксинья рассматривала больше других. Отстав от своей группы, она долго смотрела на небольшой, не совсем четкий снимок «Митинг перед отправкой на фронт». Ленин, зажав кепку в одной руке, весь устремившись вперед, обращался к людям, одетым в поношенные шинели и пиджаки, людям, которые тоже устремились к нему, такому обыкновенному и великому человеку.

«Как смотрят-то на него! Глаз не спускают. И в пиджаках сыночки, один, видно, не в своем — великоват пиджачок — отцовский небось».

Аксинья отошла от стены, все еще не отрывая взора от фотографии.

«В заплатах даже. Матери или невесты латали... Эх, сыночки...»

Вдруг ей показалось, что все стоявшие на фотографии вокруг Ленина люди, за исключением одного, исчезли, превратившись в неясную серую массу. Ясно видела Аксинья только одного человека, с винтовкой через плечо, ближе всех стоявшего к трибуне. И этот человек был ее Пашка. Правда, фотография не очень четкая, а фигуры людей у трибуны совсем туманные, но все же... все же этот человек — Пашка... Пашка... В этом она не сомневалась.

Аксинья даже не удивилась, она не сделала ни одного движения, не произнесла ни одного звука. Женщина смотрела на фотографию до тех пор, пока невольно не моргнула.

Но образ не исчезал. Она перевела взгляд на окружающих Ленина людей, потом снова на человека с винтовкой у трибуны — и видела Пашку.

Теперь Аксинья обомлела от страха: что, если сейчас, вот сейчас, когда она бросится к карточке, Пашка исчезнет и вместо него она найдет на фотографии чужого?

В зале люди удивленно смотрели на женщину. Экскурсовод умолк. Стало тихо.

Аксинья, не зная, что она делает, побежала к стене, где висела карточка.

Она протянула к сыну руки, поднялась на носках, всем телом потянулась к фотографии.

— Сын, мой сын, — тихо сказала она, указывая на человека в пиджаке, ближе всех стоявшего к Ленину...

С площади Революции можно было прочесть: «Музей В. И. Ленина». Подняв голову, Аксинья смотрела на фасад здания и мысленно добавляла: «Ленина и моего сына... Да, и многих других...»

ПРИ СВЕТЕ ВЗРЫВОВ

В лохматом плотном тумане где-то на перекрестке двух широких безжизненных улиц, медленно представляя ноги, двигалась черная фигура милиционера. Делала несколько шагов вперед, поворачивалась и — назад. Туда — сюда, туда — сюда...

— Стой! Пропуск! — заметив кого-то, крикнул милиционер и остановился. Но как ни вглядывался, как ни напрягал зрение и слух — различил только черное пятно, все увеличивавшееся в размерах, приближавшееся к нему.

— Есть, пожалуйста... — бодро ответили на оклик, и из мягкого туманного мрака вырисовалась фигура моряка.

Моряк достал документ и показал его милиционеру, не выпуская из своих рук, очевидно считая, что тот взглянет и сейчас же пропустит.

Но милиционер вежливо отнял документ и стал рассматривать его с помощью небольшого электрического фонарика.

— Проходите, — наконец спокойно и тихо проговорил милиционер, протягивая пропуск. Уставший, он был безучастен и официально вежлив.

Но моряк не уходил.

— Можете идти, товарищ Рыбников, — повторил милиционер.

— А скажите, — спросил Рыбников, не обращая внимания на разрешение, — скажите, в Эрмитаж не попали? Ни бомба, ни снаряд?

Милиционер повернул к моряку голову.

— В Эрмитаж?

— Да...

— Собирающих сведения — задерживают, — предупредил милиционер, но, не выдержав, ответил: — Попали... Приходилось бывать? — с печалью спросил он.

— Бывал... А вы?

— Работал... Тридцать лет в гардеробе... Э, да что говорить! Шарахнули бы с корабля, со всех пушек! Вот и разговор.

— Тем и занимаемся...

— Что ж сейчас?

— За снарядами приехали.

Милиционер-гардеробщик понимающе кивнул головой и, найдя руку моряка, крепко пожал ее.

Тимофея Рыбникова отошел и постепенно исчез в тумане.

* * *

Машину Тимофея Рыбникова отправил прямо к складу, а сам завернулся к знакомым, поэтому возвращался от них пешком. Уже светало, таял туман. Артиллерийский обстрел города становился ожесточеннее.

Рыбников сначала спешил, а потом замедлил шаг.

«На кой черт спешить? — думал он. — Кто может пробраться к этому складу?» — Он был уверен, что ни зavedующий, ни рабочие вовремя не придут.

Недалеко от него рухнуло здание. Стена упала, видимо, плашмя на асфальт, и Тимофею показалось, что

он слышит, как дробятся окаменевшие от времени кирпичи. «Ну вот...»

Но все, что он увидел и услышал, оказалось только скромным вступлением. Где-то начали бить зенитки, а потом Тимофей услышал рев моторов.

«Мессеры! Десяток, а то и два...»

Хотя в городе была объявлена тревога, Тимофей заметил всего несколько фигур, бежавших в бомбоубежища.

Моряк продолжал спокойно шагать по улице. Но когда неподалеку упала бомба, он решил, что все-таки рисковать зря не стоит, и зашел в первый попавшийся подъезд. Тут, оказывается, уже кто-то стоял — небольшого роста, коренастый, в очках, слегка отсвечивавших и вспыхивавших красным пламенем при разрывах бомб.

— Только бы не сюда... — приговаривал этот человек всякий раз, когда слышался свист падающей бомбы. — Только бы не сюда...

— Боитесь? — спросил Тимофей.

Человек не ответил.

Моряк не стал переспрашивать, занятый мыслями о своем деле. Конечно же, думал он, склад еще закрыт, товарищи с машиной ждут, а кто может добраться из работающих там? Разве только догадались ночевать на складе... Хотя это не менее опасно, чем идти к нему...

— Только бы не сюда...

— Что ты там, друг... — глухо сказал Тимофей. — Боишься, что ль? Так разве знаешь, где помрешь...

— Я не о себе говорю... — отозвался человек.

— О ком же?

— О ком и о чем? — медленно, раздумывая, проговорил незнакомец и решительно сказал: — Хотите посмотреть? Идемте...

И пока Тимофея думал, что именно нужно смотреть и хочет ли он это смотреть, человек в очках взял его за руку, повел. Они поднялись по лестнице, ссыпая вниз кирпичи, щебень и что-то распадавшееся под ботинками Тимофея, видно известку.

На площадке человек в очках нашупал руками дверь, открыл ключом. Тимофея вспомнил детство: так осторожно, благоговея, открывал дверь сельской церкви сторож Петр. Ему и показалось, что этот человек в очках сейчас введет его в храм.

— Что это? Куда ты меня привел? Куда привели? — перешел Тимофея уже на «вы».

Человек молчал, видно любясь тем впечатлением, которое должно было произвести на моряка место, куда они пришли.

В комнате можно было различить окна, очертания стола, стульев, шкафа...

— Куда вы меня привели?

Ответа не последовало. Тимофея подумал, что, может быть, в самом деле здесь нужно молчать... А потом уже, когда минет в этом необходимость, человек в очках заговорит сам...

Так и оказалось. После минутного молчания тот начал:

— Здесь жил и работал Ленин. Именно здесь он написал свою статью — помните? — с призывом встать на защиту, встать всем и не отдавать Петрограда врагам... Видите, вон там стоит стол... Вот стул... На столе чернильница...

— Но здесь же темно!

— Разве это важно?

— Верно, — сознался Тимофея. — Это не важно.

— Вот там вы видите — видите? — подчеркнул он, — кресло. А вот там картина...

ЗДЕСЬ
ЖИЛ И РАБОТАЛ

ЛЕНИН

— Вижу, — сказал Тимофея, хотя не видел, а лишь угадывал места, где могли быть кресло Ленина, картина.

— Вытрите ноги.

Моряк послушно вытер ноги, и только теперь человек в очках, взяв его за руку, перевел через порог.

— Идите за мной.

Свободной рукой Тимофея старался дотронуться до вещей Ленина: погладил крышку стола, спинку стула. Нащупал рукой картину, постучал пальцами по шкафу.

— А чернильница?

Человек в очках взял руку Тимофея и безошибочно положил на чернильницу. Тимофея почувствовал холод и гладь стекла.

— Я делаю исключение, — сказал человек в очках. — Руками не трогать.

— Спасибо.

Неподалеку полыхнуло пламя разрыва, и при мгновенной вспышке томившихся в снаряде адских сил Тимофея увидел окна, сверкнувшие огненным светом. И в этом, казалось, всё испепеляющем свете стали ясно видны стол, стулья, картина, — почти вся комната, где жил и работал Ленин.

Вспышка ослепила его, и после он уже ничего не мог различить, хотя ему очень хотелось рассмотреть вещи Ленина.

«Наверное, еще упадет близко, проклятая, — думал Тимофея. — Я не хочу этого, но если упадет — пусть осветит эту комнату...»

Снаряды падали, и только свет двух из них ворвался через окна в жилище Ленина.

— Только бы не сюда... — повторил человек в очках.

Тимофеи и его провожатый пробыли в комнате минут десять. В этой темноте и вдруг наступившей тишине моряку казалось, что за столом сидит Ленин, склонился

над бумагами, пишет. В воображении Тимофея возникли слова: «Граждане Петрограда! Враг у ворот...»

Вот скрипнул стул, вот перо стукнуло о дно чернильницы, и, конечно же, это сейчас, вот именно сейчас, в этом порыве Ленин написал простые и сильные слова, призывающие не сдавать город революции врагу, стать на защиту Петрограда. Не сдавать ни при каких условиях!

Вот снова Тимофей услышал скрип пера, быстро бегущего по бумаге... Пишет. Не надо мешать... Он взял за руку своего провожатого, и тот осторожно вывел его из комнаты Ленина.

Человек в очках стал опять у подъезда и, заслышив свист бомбы, повторил свою фразу.

— А может быть, — сказал Тимофей, — надо было бы все это спрятать? Неровен час...

— Нет, — твердо сказал человек в очках, перебив Тимофея.

— Почему?

— Сюда ведь ходят... Несмотря ни на что. Значит — нужно.

Тимофей молчал. Ему стало стыдно за прежние мысли о том, будто никто не сумеет под этим огнем добраться до склада. Тимофей и теперь не знал, как это можно сделать, но твердо верил, был убежден, что люди должны это сделать и непременно сделают.

Он быстро зашагал вперед.

ПАМЯТИК.

В сквере против здания городского театра уже лет восемь стоял памятник Ленину. Это была обычная и всем известная скульптура: Владимир Ильич, приподнявшись на носке штиблета, протянул правую руку вверх и вперед. Скульптура была поставлена на сооруженный местными строителями строгий и красивый постамент.

Вокруг памятника были разбиты клумбы, пестрели цветы. Аллеи молодых деревцев от входа в сквер вели к зданию городского совета. Дорожки сквера были посыпаны свежим и чистым желтым песком, и здесь всегда играли дети. Сквер и памятник в нем были, пожалуй, самым значительным, дорогим и приятным местом в этом небольшом русском городке.

Здесь назначались встречи, происходили свидания, здесь дети, играя, думали, что всегда стоял этот памятник человеку в простом костюме, всегда пестрели эти цветы, зеленели деревца, был посреди клумб небольшой фонтан...

Всегда...

И было невероятно, когда фашисты, заняв город, разбили фигуру человека с поднятой рукой, а само слово «Ленин» стало запретным.

На следующее утро после того страшного дня жители увидели постамент, убранный гирляндами цветов, а на самом цоколе его — небольшой белый бюст. Такие бюсты были в каждой школе, в каждом клубе, красном уголке. Сейчас он стоял в центре города. На огромном, сделанном под мрамор постаменте он был не очень заметен, но его увидели все.

Оккупанты, едва узнав, что памятник восстановлен, ринулись в сквер. Немецкий майор, взяв у солдата автомат, разрядил его...

— Вот так нужно, — сказал, поучая своих солдат, майор. — Вот так.

Произнеся это, он дотронулся пальцем до фуражки, выпрямился и, довольный, спокойно ушел.

Памятника не стало. Но жители городка дорожили им теперь еще больше, чем тогда, когда памятник стоял целый и невредимый.

Памятника не стало, но кто-то, украсивший постамент цветами, поставивший бюст, упорно не хотел сдаваться. Этот кто-то в знак того, что не сдался, наклеил на постаменте листок.

Это была страничка из обыкновенной ученической тетради с косыми линейками. На ней вверху был жирно очерчен срисованный откуда-то силуэт Ленина. Под ним мальчишеским почерком, срывающимся, как голос у неопытного певца, были написаны слова, составленные из крупных, тщательно выведенных фиолетовым карандашом букв: «Все равно вам не уцелеть, фашисты! С. М.»

Наклеенный листок сорвал один из гитлеровцев.

Это было 25 августа, утром. А на другой день к постаменту потянулись люди. Остановившись в нескольких метрах от него, так как ближе не подпускал солдат, жители городка пристально всматривались, стараясь разглядеть, висит новый листок или не висит?

— Скажите, любезная, — тихо обратился к круглолицей девушке с косами старик в поношенной шляпе, протирая очки, — вы что-нибудь видите? — и он указал глазами на постамент.

— Нет, не вижу... — ответила девушка с сожалением.

— А вот там, там, — указал старик на белое пятно на постаменте.

Девушка отрицательно покачала головой, объяснила:

— Остатки старого листка...

— Но ведь сегодня видели... — шепотом сказал старик. — Рано утром... Поэтому и поставили, — он указал глазами на солдата.

Девушка в радостном удивлении подняла брови и вновь, проверяя себя, посмотрела на постамент.

— Нет, это не новый листок... — со вздохом сказала она.

— Может быть, потом... появится?

Старик и девушка ушли, чтобы прийти вечером, а через минуту здесь стояли другие жители, спрашивая друг у друга, нет ли нового листка, и опять кто-то повторил, что он висел сегодня утром.

Стало привычкой жителей городка ходить к постаменту и узнавать, не появился ли новый листок. Его не было, но казалось — он висит, и на нем написано то, о чем люди думали про себя, порой боясь высказать вслух. Шел ли дождь, светило ли солнце — каждый сворачивал в сквер, к постаменту, и, проходя мимо него, смотрел: есть или нет?

Солдаты, сменившие друг друга в сквере, начали грубо покрикивать, торопя проходивших:

— Шнель! Шнель! Быстро!

Люди все-таки всматривались. Листка не было. Тот, неизвестный, кто его вывешивал, не мог уже подойти к постаменту. Но зато несколько листков, написанных той же рукой и тем же карандашом, были расклеены

однажды утром на заборах, в разных местах городка. «Бей фашистов! — призывали они. — Не верьте им газетам. Наши придут! С. М.». И на всех листках, как и на первом, был четко очерчен силуэт человека с протянутой рукой — вперед и вперед.

Враги распорядились выловить преступника и повесить. Для этого на улице соорудили прочную виселицу. Но вешать было некого. Фашисты искали виновного, но найти не могли. Каждое утро они обходили заборы и срывали листки, вселявшие в народ веру в победу.

— Ленин!

И вдруг силуэт на листках исчез.

Пренебрегая опасностью, люди вплотную подходили к листкам и убеждались: действительно — нет.

Но люди заметили, что листовки стали печататься на машинке, а потом и типографским способом, и содержали они в себе не только призывы бить врага, но и сводки Совинформбюро, выдержки из приказов Верховного Главнокомандования, новые стихи, обещание скорого освобождения.

Участились облавы, по улицам расхаживали патрули, по вечерам раздавались выстрелы: за кем-то гнались, кого-то ловили.

Городок не спал. Из-за бумажных маскировочных штор, опущенных занавесок он бдительно следил за борьбой.

Нет, неизвестных людей не поймали, сломить их не удалось.

Однажды вечером был взорван склад, снабжавший полицейских и предателей оружием. Три фашиста, охранявших склад, были убиты. В одной из записок, оставленных смельчаками, было написано: «Так будет со всеми. Бей фашистов!». Вместо подписи «С. М.» стояла другая — «Молодые мстители».

Городок ожил: многолюднее стали улицы, жители при встречах веселее кивали друг другу, чаще улыбались. И все ждали...

Регулярно появлялись листовки, давно уже на них не было силуэта Ленина, но каждая большая или маленькая победа вызывала в памяти людей тетрадный листок и силуэт человека на нем с поднятой рукой.

И снова жители городка услышали грохоты выстрелов. Это стреляли партизаны.

У захватчиков они отбивали плленных красноармейцев, горожан, угоняемых на каторгу, арестованных подпольщиков...

Взорвали железнодорожный мост, несколько автомашин и, наконец, убили самого майора.

Советские войска, освобождавшие городок, встретили здесь боевую поддержку и помощь.

В тот же день, когда наши заняли городок, к памятнику подошел небольшого роста рыжеватый парнишка — Степан Мохов. К нему по одному, по два начали подходить юноши и девушки. Вскоре возле памятника собрались все оставшиеся в живых члены организации «М. М.» — «Молодые мстители».

На постаменте стояла белая скульптура человека, который, приподнявшись на носке штиблета, протянул правую руку вверх и вперед, — маленькая скульптура, но точно такая же, как и прежде.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Решающий момент	3
На заводе	19
Ходок из Пахомовки	26
Мост	40
Невыполненный долг	47
За всех нас	53
Встреча в Кремле	74
Неучтенный резерв	83
Письмо	100
В музее	112
При свете взрывов	119
Памятник	126

СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ АНТОНОВ ДОРОГИЕ ЧЕРТЫ

Редактор Поляков Н. В.

Художественный редактор Гречихо Г. В.

Рисунки художника Некрасова Е. Н.

Оформление художника *Васильева В. В.*

Технический редактор Буковская Н. А.

Корректор Морозова В. Д.

Сдано в набор 21.1.60 г.

Подписано к печати 10.3.60 г.

Формат бумаги 70×108^{1/2} — 4^{1/2} печ. л. ≡ 5.651 усл. печ. л. 5.258 уч.-изд. л.

Г-64180

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР
Москва. Центр. Тверской бульвар, 18.

Изд. № 12/2541

Цена 2 р. 60 к.

Зак. 80-

卷之三

1-я типография

Военного издательства Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

2 p. 60 K.

